

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет философии и социальных наук

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Материалы X научной конференции
студентов, магистрантов и аспирантов
факультета философии и социальных наук БГУ
Минск, 18 апреля 2013 г.

Минск
2014

УДК 3(082)+10(082)

ББК 60я43+87я43

Ч 39

Редакционная коллегия:

кандидат философских наук, доцент *А. А. Легчилин (отв. ред.)*;

кандидат психологических наук, доцент *А. С. Солодухо*.

Ч 39 **Человек. Культура. Общество:** материалы. IX науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов фак. филос. и соц. наук БГУ. Минск, 18 апр. 2013 г. / редколл.: А. А. Легчилин (отв. ред.), А. С. Солодухо. – Минск, БГУ, 2014. – 56 с.

В сборник включены материалы докладов студентов и аспирантов Белорусского государственного университета и других высших учебных заведений Республики Беларусь на ежегодной научной конференции, проведенной факультетом философии и социальных наук 18 апреля 2013 года.

УДК 3(082)+10(082)

ББК 60я43+87я43

© БГУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Алампиев О. Методические особенности изучения иммигрантов из исламских стран	4
Будникова Е. Концепт «Стены» в творчестве Жана-Поля Сартра и Василя Быкова: сравнительный анализ	5
Ван Чжэлань Тактики разрешения родительско-детского конфликта в белорусских и китайских семьях в периоды детства и ранней взрослости	7
Вансович И. Оформление идеи личности в философии Августина Блаженного	8
Грибановский С. Проблемы и перспективы развития государственной службы в Республике Беларусь: социологический аспект	9
Дровнина Е. Вера в справедливый мир и экономическое поведение человека	11
Дубонос И. Философия истории Латинской Америки в боливарианизме	12
Жук Е. Этические аспекты повседневности	14
Захарэвіч А. Эстэтызацыя брыдкага: маральныя наступствы	15
Зизюк С. Аффективные компоненты травматизации у алекситимических личностей	16
Котова В. Философско-эстетическая концепция музыки Теодора Адорно	18
Кулешов А. Служба переливания крови как «рынок товаров и услуг»	19
Мизгирёва М. Самопрезентация юношей и девушек в электронных социальных сетях	20
Пинчук И. Перспективы развития государственно-частного партнерства в Республике Беларусь	22
Позднякова А. Атрибутирование вовлеченности в электронные социальные сети студентов естественнонаучной и гуманитарной специальностей	24
Поляшук А. Мотивы опосредованного виртуальной личностью общения в электронных социальных сетях	26
Похомова А. Трансформация способов осуществления волонтерской деятельности в современном обществе	27
Преблагина Е. Особенности распределения ролей в женских гомосексуальных парах	29
Рапарович Н. Интуиция в процессе решения прогностических задач	30
Расолько И. Пространственные аспекты воспроизводства белорусской идентичности в пограничных регионах Польши и Литвы	32
Роговцова А. Анализ альтернативной музыкальной сцены Манчестера в 80-х годах 20 века	33
Садовская А. Феномен политического вождизма: психоаналитическая интерпретация	35
Сахнюк К. Традиционен ли современный Китай?	36
Семенов В. Кризис концепции диссоциального расстройства личности	38
Сидоренко Д. Феномен контркультуры во второй половине 20 столетия	39
Синкевич К. Факторы субъективного благополучия в период средней взрослости	40
Слободич С. Отношение родителей к кровным и приемным детям	42
Сосницкий А. Геймификация как инструмент продвижения товара	43
Стриго О. Студенчество как субъект модного поведения	45
Строк Д. Онлайн-панель в социологических исследованиях	47
Тарасовец О. Социальные представления студентов о риске	48
Феденя М. Феноменология тела М. Мерло-Понти как проект преодоления парадоксов интерсубъективности	49
Цалко В. Феномен страха в философии М. Хайдеггера	51
Щуцкая А. Восприятие студентами рекламы белорусского языка	52
Яковлева Р. Социология страданий как отрасль социологии	54

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИММИГРАНТОВ ИЗ ИСЛАМСКИХ СТРАН

При изучении тех или иных социальных групп возможны сложности с определением генеральной совокупности и отбором единиц наблюдения. Подобная ситуация возникает при изучении иммигрантской среды, в частности, иммигрантов из исламских стран, проживающих в Республике Беларусь. Сложности в изучении данной социальной группы можно условно разделить на две категории: в первую следует отнести трудности, связанные с поиском и отбором респондентов, во вторую – связанные с социокультурными особенностями представителей указанной социальной группы.

Первая категория обуславливается особенностями генеральной совокупности, доступ к элементам которой является условно открытым или закрытым ввиду того, что географические параметры распределения возможных единиц наблюдения неизвестны, а также по причине социокультурных особенностей представителей данной социальной группы. В большинстве случаев поиск респондентов становится возможен лишь при содействии лидеров этнических или религиозных общин, а также опрошенных ранее респондентов.

Исходя из этого, возможна лишь целевая выборка методом снежного кома. Репрезентативность выборки может быть лишь теоретической. Контроль за репрезентативностью целесообразно осуществлять применением специальных методик. К таким методикам относится триангуляция – процедура проверки и сравнения устойчивости информации, полученной разными источниками и теоретическая оценка важности результатов – сравнение надежности полученной от разных источников информации, проверка сопоставимости сведений, полученных с использованием различных методик. Последнее подразумевает необходимость использования и иных методов сбора эмпирических данных, таких как экспертный опрос, а также наблюдение и анализ документов.

Социокультурными особенностями социальной группы объясняется и методология непосредственного сбора эмпирического материала, в частности, опросными методами. Изучение иммигрантской социальной среды подразумевает, что респонденты могут в различной степени владеть языком страны пребывания, что делает невозможным использование единого инструментария. Особенностью данной социальной группы является также то, что прямые вопросы во многих случаях могут быть не эффективны. Объясняется это тем, что представители восточных народов о многих вещах полагают нежелательным сообщать по этическим соображениям. В частности, при проведении исследования на вопрос о том, случаются ли какие-либо сложности во взаимодействии с коренным населением в большинстве случаев респонденты отвечали отрицательно. Между тем, задавая вопросы более частного характера, путем уточнений, изменения формулировок были получены сведения, позволяющие сделать вывод, что опыт подобных ситуаций имели почти все опрошенные респонденты. Ввиду этого метод глубинного интервью является более адекватным средством получения необходимых данных при исследовании представителей указанной социальной группы. Использование подобного метода также объясняется тем, что исследование иммигрантской среды связано с раскрытием субъективного восприятия, определения тех явлений и элементов социокультурной действительности, которые вызывают положительные и негативные эмоции.

Важной особенностью является необходимость учета исламских традиций; многие обыденные для белорусского населения вопросы могут для мусульман носить деликатный характер. В частности, речь идет о различном видении в исламской и европейской традиции места женщины в обществе и, как следствие этого, ином характере взаимодействия между мужчинами и женщинами. По этой причине не рекомендуется интервьюирование женщин мужчинами и наоборот. Следует учитывать, что в большинстве случаев выходцы из исламских стран религиознее белорусов, что требует особой осторожности и тактичности в обсуждении вопросов веры, религиозного культа и традиций. Важным для понимания и верной интерпретации ответов респондентов является знание особенностей вероучения, исламской культуры в целом и историко-культурных особенностей региона происхождения респондента в частности. В противном случае исследователь может неверно истолковать полученные данные или не обратить внимание на важные детали.

Исследование иммигрантов из исламских стран сопряжено с комплексом объективных сложностей, связанных с особенностями генеральной совокупности, что делает невозможным применение статистических методов отбора респондентов, а также с социокультурной спецификой самой социальной группы. В следствие этого изучение данной социальной группы целесообразно проводить с использованием целевой выборки методом снежного кома, в качестве методов сбора эмпирического материала адекватным является использование качественных методов.

Е. Будникова

Белорусский государственный университет

КОНЦЕПТ «СТЕНЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЖАНА-ПОЛЯ САРТРА И ВАСИЛЯ БЫКОВА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В ходе изучения творчества В. Быкова у меня возникло несколько вопросов: почему народный писатель Беларуси выбрал название, полностью совпадающее с названием повести «Стена» Ж.-П. Сартра? Чем экзистенциализм в «Быковской» версии соответствует экзистенциализму Сартра и чем отличается?

Творчество В. Быкова и таких классиков экзистенциализма, как А. Камю и Ж.-П. Сартр, перекликается между собой. Известно, что Быков был хорошо знаком с произведениями Камю и Сартра, и благожелательно отзывался о них: «Я высоко ценю жизненную и творческую позиции французских экзистенциалистов Ж.-П. Сартра и А. Камю».

Сравнивая содержание обоих произведений можно сделать следующие выводы:

1. Завязка сюжета: в обеих повестях представлены примеры типичной экзистенциальной ситуации: экстремальные ситуации выбора или "пограничные ситуации", в которых автор доводит героя до состояния максимального напряжения, позволяя увидеть жизнь героя со всей ее незащищенностью. Вследствие испытанного страха и страданий, герои освобождаются от условностей, которые сковывали их ранее.

2. Герой: В варианте «Стены» В. Быкова проследить духовный мир героя невозможно, о его прошлом и отношениях с другими людьми ничего не известно, кроме того, что он задержан властью без объективных на то причин и имеет на свободе любимую женщину.

3. Герой и второстепенные персонажи: Сартр дает возможность сравнить поведение главного героя в его спокойствии и самообладании с остальными персонажами, которые испытывают ужас перед лицом смерти, впадают в панику, теряют честь, и делаются ничтожными.

4. Герой и внешние обстоятельства: Надо заметить, что в обоих произведениях герои оказались в таком положении в условиях тотального воздействия внешних сил в виде таких идеологических противоречий как война и тоталитарный режим, стремящихся к превращению человека в объект, в нечто аморфное, безжизненное, то, что не может рассуждать и сопротивляться.

5. Цели авторов: описать универсальные характеристики человеческого существования, установить и отметить основные элементы, которые составляют экзистенцию и место героев в мире: их заброшенность в мир, случайность существования, конечность его, незнание смысла существования и борьбы за него.

6. Задачи героев: Герой Быкова выбирает деятельность, направленную на достижение свободы в отличие от героя Сартра, который праздно ждет смерти и хочет быть сильным до конца, чтобы принять ее с достоинством.

7. Свобода (по мнению авторов): По Сартру, свобода – это тот выбор, который человек делает каждую минуту своей жизни, и никакие объективные обстоятельства не могут лишить человека свободы. Свобода выражается в возможности выбирать своё отношение к той или иной ситуации. Таким образом, герой его «Стены», даже смирившись с будущей смертью, сделал выбор, за который теперь он ответственен, что привело героя к другой «стене» – непреднамеренному убийству друга. Усилия героя Быкова через каменную стену проложить путь к свободе тоже не приносят успеха, результат оказывается совершенно противоположным желаемому. Таким образом, герои оказались в положении, в котором компромисс между ними и внешними обстоятельствами недостижим, результат обоих произведений абсурдно-трагический.

8. Финал произведений: Оба произведения имеют открытый финал: неизвестно, что будет с героями после окончания основного действия. В экзистенциальных произведениях перед героями встает возможность выбора человеком своего будущего, непрерывное самоопределение себя. И эти произведения не исключение. Существование героев обоих «Стен» можно назвать «незавершенным» по причине неоправданности их выбора, принятых ими решений, взятой на себя ответственности.

У меня есть основания полагать, что Быков назвал свое произведение именно так, потому что хотел переосмыслить произведение Ж.- П. Сартра, рассмотреть типично экзистенциальную ситуацию сквозь свою собственную призму. Важно отметить то, что истоками произведения В. Быкова стала конкретная белорусская действительность, в то время как у Сартра основой литературного повествования являлась философская система. Поэтому экзистенциализм в версии Быкова имеет черты, присущие именно белорусской историко-культурной ситуации, в то время как фоном рассуждений Сартра являются реалии Западного общества. Хотя ответ на вопрос, каков конкретный «посыл» содержится в сочинении Василя Быкова, остался неизвестным широкому читателю. Это может знать только такой близкий автору человек, как, например, Рыгор Бородулин, которому посвящено произведение.

Наконец, отметим, что если Сартр тяготел к выражению своих идей в яркой художественной образности как выразительному средству, то Быков стремился, как литератор придать сюжету философичность, отразить драматизм выбора человеком свободного существования.

Несмотря на, казалось бы, безнадежный финал, В. Быков сумел придать произведению оптимистическую окраску, в то время как «Стена» Сартра, так или иначе, говорит о бессмысленности выбора. В «Стене» Быкова, выбор происходит, побеждает жажда жизни, а преодоление героем абсурдности своего существования имеет смысл. А это значит, что смысл имеет и само существование. У Василя Быкова вера человека в свои возможности – это вера, которой «дышит» его свобода.

ТАКТИКИ РАЗРЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКО-ДЕТСКОГО КОНФЛИКТА В БЕЛОРУССКИХ И КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ В ПЕРИОДЫ ДЕТСТВА И РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Родительско-детские конфликты относятся к группе межличностных конфликтов, субъектами которых являются родители и дети, преследующие несовместные цели или одновременно стремящиеся к достижению одной и той же цели. Основными тактиками разрешения родительско-детского конфликта являются: дисциплинирование, психологическая агрессия и физическая агрессия (телесные наказания, проявление жестокости, физическая жестокость) [2].

Культурный опыт родителей в большинство случаев является основным ресурсом в воспитании детей. Поэтому пути разрешения родительско-детских конфликтов имеют ярко выраженные национально-культурные особенности. Дифференциация мужских и женских ролей в семье основана на естественной взаимодополняемости полов. В связи с гендерными особенностями, родитель при разрешении родительско-детского конфликта добрее относится к ребенку противоположного пола, а суровее относится к ребенку своего пола [1]. По мере взросления ребенка изменяются и причина и объекты дисгормонии в семье, а также тактики родительско-детского конфликта.

Цель исследования – выявление особенностей тактик разрешения родительско-детского конфликта в периоды детства и ранней взрослости в белорусских и китайских семьях. Гипотеза: существует различие между тактиками разрешения родительско-детского конфликта в детстве и период ранней взрослости в зависимости от национальности и пола ребенка.

Методика исследования: «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» М.А. Строоса [2]. Возрастная динамика использования тактик разрешения родительско-детского конфликта фиксировалась в результате сравнения мер дисциплинирования ребенка в детстве и в период ранней взрослости, как со стороны отца, так и со стороны матери. Выборку данного исследования составили студенты 2–4 курсов белорусских и китайских университетов в количестве 159 человек, из них 81 белорусов (47 девушек и 34 молодых людей) и 78 китайцев (39 девушек и 39 молодых людей).

Результаты исследования подтвердили гипотезы о существовании различий в тактиках разрешения родительско-детского конфликта в периоды детства и ранней взрослости в зависимости от национальности и пола ребенка.

Вне зависимости от пола ребенка, родители в обеих культурах имеют тенденцию снижения частоты использования большинства тактик для разрешения родительско-детского конфликта по мере их взросления. Частота использования тактики физическая жестокость отцами в обеих культурах осталось стабильной. Культурное различие заключается в том, что помимо физической жестокости, китайские отцы ещё сохранили частоту использования проявления жестокости, в то время китайские матери снижают частоты использования всех видов тактик. Белорусские матери согласуются с белорусскими отцами сохраняют и только частоту использования физической жестокости. Китайские отцы более агрессивные относятся к своим взрослым детям, чем китайских матерей и белорусских родителей, причем возрастная динамика при разрешении родительско-детского конфликта в белорусских семьях более согласована со стороны отца и матери. В целом, полученный результат показывает более уравновешенное изменение отношения детей с отцом и матерью в белорусских семьях, и длительную доминирующую строгую отцовскую позицию в китайских семьях.

Вне зависимости от национальности, по мере взросления ребенка, отец не изменяет частоты использования более жестоких тактик для разрешения конфликтов как с сыновьями, так и с дочерьми, в то время как мать снижает частоты использования почти всех тактик. Как отец, так и мать значительно снижают частоту использования агрессивных тактик при отношении с сыновьями и сохраняют их использования при отношении с дочерьми. Родители более жестоко или строго относятся к взрослым дочерям, чем сыновьям.

Было установлено, что близость в материнско–сыновних отношениях в китайских семьях значительно увеличивается со взрослением ребенка. В отличие от белорусских родителей, китайские родители не так сильно изменяют частоту использования более агрессивных тактик по отношению к взрослым детям, особенно отец. Китайские родители более строго относятся к взрослым дочерям по сравнению с белорусскими родителями. Белорусские отцы, в отличие от китайских, не проявляют доминирующую авторитарную позицию при дисциплине детей в семье.

---

1. *Maccoby, E.E.* The Two Sexes: growing up apart, coming together / E.E. Maccoby. – Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1998.

2 *Straus, M.A.* Identification of child maltreatment with the parent–child conflict tactics scales: development and psychometric data for a national sample of American parents. / M.A. Straus, E.M. Kinard, L.M. Williams // *Child Abuse & Neglect.* – 1998. – Vol. 22, No. 4.

И. Вансович

Белорусский государственный университет

ОФОРМЛЕНИЕ ИДЕИ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ АВГУСТИНА БЛАЖЕННОГО

В настоящее время большой интерес вызывает проблема определения понятия «личность». Этимологически это понятие восходит к латинскому *persona*, что в переводе означает ритуальную или театральную маску. Понятие маски как атрибута той или иной социальной роли акцентируется преимущественно социологией, для которой идея личности связана с социальной природой человека. В психологии личности последняя понимается скорее как конкретная индивидуальность, отличающаяся собственным личностным опытом и самосознанием. Философия же синтезирует все множество существующих представлений и определяет личность как проявление внутреннего во внешнем. Смысл личности здесь раскрывается через понятия свободы, ответственности; самосознания и саморазвития.

Не менее дискуссионным является и вопрос о времени возникновения личности в истории культуры. В частности, А.Ф. Лосев в работе «Двенадцать тезисов об античной культуре» отказал Античности в идее личности. Это связано с тем, что ни один из используемых греками терминов – «усия», «объектум», «субъектум», «просопон» и т.д. – не может переводиться как личность. Наиболее полно, по его мнению, греки выразили понятие «личность» термином «сома», который означает «тело». И тогда, личность – это хорошо организованное и живое тело [1, с. 492].

Из представления о человеке как не существующем самом по себе, а лишь в системе определенных отношений, воспринимаемых как абсолютный порядок и космос, следует, что Античность была незнакома с идеей внутреннего «Я». Во многом, именно это позволило на развалинах Античности построить культуру, основывающуюся на принципе персонализма. Этой культурой стала традиция западноевропейского Средневековья. Наиболее полно идея личности в Средневековье была разработана христианским богословом и философом – Августином Блаженным.

Будучи представителем христианского неоплатонизма, Августин Блаженный отличался интересом к человеческой личности, это подтверждают слова: «Великая бездна сам человек, [...] волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца» [2]. Такой взгляд позволил ему создать самобытную концепцию «внутреннего человека», которая может быть отождествлена с идеей личности.

Согласно Августину, человеческая природа состоит из двух компонентов: тела и души. Тело выступает как материальный и интегральный элемент человека, в противовес пониманию тела Платоном, для которого оно лишь материально. Душа понимается в духе идей Платона как «некоторая субстанция, причастная разуму, приспособленная к управлению телом» [3]. Она содержит в себе функцию мышления, воли и памяти, но не имеет ничего общего с биологическими функциями. Познание души возможно только через саморефлексию: «душа, когда ищет, чтобы осознать, уже осознает себя как ищущую» [3]. Причем, тело и душа – это не взаимозаменяемые паззлы одной мозаики, а постоянная целостность.

Человек сотворен по образу и подобию Божьему, а это значит, что он также как и Бог обладает памятью, разумом и волей. Основой духовной жизни является воля в силу ее активной природы. Воля выступает как внутренняя автономия человеческого духа, полученная в результате морального усилия, самоконтроля: «Ничего не ощущаю так сильно и глубоко, как то, что имею волю, и она направляет мои желания». С понятием воли тесно сопрягается понятие свободы выбора, который осуществляется осознанно и зависит от мотивации.

Во многом благодаря именно Августину, который рассматривал человека как динамическую и амбивалентную реальность, стремящуюся к единству материального и духовного начал, можно говорить о зарождении идеи личности в культуре Средневековья.

---

1. Лосев, А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Античная литература: Учебник для высшей школы. Москва, 1997.

2. Интернет-адрес: http://royallib.ru/book/avgustin_avreliy/ispoved.html.

3. Интернет-адрес: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/o_kolichestve_dushi=13.

С. Грибановский

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В соответствие с законом Республики Беларусь «О государственной службе» под последней понимается профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов [6]. С точки зрения социологии, государственная служба – социальный институт, функционирующий посредством осуществления людьми профессиональной деятельности по реализации компетенции государственных органов и государственных должностей [4, с. 32]. Социальная обусловленность госслужбы заключается в том, что она преследует общественно-полезные цели и задачи, состоящие в служении общенародным интересам [3, с. 220]. Развитие современного социума во многом зависит от состояния функционирования госслужбы.

В последнее время учеными отмечаются негативные явления в функционировании системы государственной службы Республики Беларусь. Наиболее актуальны следующие проблемы: отсутствие эффективной кадровой политики, низкий уровень профессионализма госслужащих, дефицит и текучесть работников, активное старение

кадров и т.д. [2, с. 56]. В этих условиях возрастает необходимость проведения глубокой реформы государственного аппарата. На совещании по оптимизации структуры, численности и функций госорганов (11.01.2013) Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко была определена задача формирования компактной и эффективной управленческой структуры. Исходя из плана реформы предусматривается сокращение 25% госслужащих и повышение заработной платы лицам, оставшимся на государственной службе, что должно привести к дебюрократизации системы госуправления, повышению профессиональной мотивации госслужащих.

Реформирование госслужбы должно осуществляться с учетом профессиональных и деловых качеств работников. Профессионализм и компетентность – ключевые принципы, зафиксированные в статье 6 закона Республики Беларусь «О государственной службе».

В социологической энциклопедии профессионализм определяется как «высокая степень овладения профессией, характеризующаяся мастерством и высокой компетентностью» [7, с. 813].

Профессиональное становление характеризуется двумя группами показателей. Первая группа включает параметры эффективности деятельности – производительность, качество, надежность. Вторая группа охватывает субъективные оценки деятельности – уровень интереса, удовлетворенности, настроение и отношение к деятельности [5, с. 38 – 39]. Профессионал – это высококвалифицированный специалист, эффективно осуществляющий свою деятельность, как с точки зрения организации, так и с позиции внутренней самооценки.

Реформа государственной службы должна учитывать личностные качества работников. Госслужба требует наличия у кандидата ряда индивидуально-психологических свойств: энергичность, коммуникабельность, ответственность и т.д.

Специфика госслужбы состоит в ее императивном характере. Госслужащий любого ранга обязан подчинить себя интересам государства и воли вышестоящих лиц: «дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям» [1].

Будущее белорусской системы государственного управления состоит в интенсификации эффективности ее работы за счет придания госслужбе компактной и численно оптимальной структуры, в которую должны быть включены лица, имеющие необходимые профессиональные и личностные качества.

-
1. Вебер, М. Политика как профессия и призвание/ М. Вебер // Наука. Интернет. Россия [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.nir.ru/socio/articles/weber_politika.htm. – Дата доступа: 8.04.2013.
  2. Герменчук, В.В. Государственная служба: традиции и современность/ В.В. Герменчук // Банковский вестник. – № 4. – С. 51 – 56.
  3. Государственное управление / Н.Б. Антонова [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2012. – 439 с.
  4. Деханова, Н.Г. Социология государственной службы / Н.Г. Деханова. – Москва: Альма Матер: Академический проект, 2011. – 106 с.
  5. Евелькин, Г.М. Профессиональная социализация личности: методология, методики и логика изучения / Г.М. Евелькин. – Мн.: Технопринт, 2004. – 269 с.
  6. Закон Республики Беларусь «О государственной службе»// Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=h10300204&p2={NRPA}>. – Дата доступа: 8.04.2013.
  7. Лукашова, О.Г. Профессионализм / О.Г. Лукашова // Социология: Энциклопедия. / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – С. 813.

ВЕРА В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Термин «вера в справедливый мир» был предложен М. Лернером для обозначения представления людей о том, что каждый человек получает то, что заслуживает, и заслуживает то, что получает [1].

Особый всплеск исследований в данной области последовал за разработкой шкалы для измерения силы веры в справедливый мир отдельного человека. Было выявлено, что вера в справедливый мир положительно коррелирует с такими личностными характеристиками, как внутренний локус контроля, авторитаризм, удовлетворенность собственной жизнью, общая самооффективность, ориентация на долгосрочные результаты, оптимизм и другие [2, 3, 4].

Учитывая указанные характеристики, будет ли вера в справедливый мир взаимосвязана с особенностями экономического поведения человека?

Следует заметить, что веру в справедливый мир можно отнести к разряду общих культурных представлений человека, а общие культурные ценности и экономическое развитие страны, как показывают исследования, оказываются взаимосвязанными [5].

М. Allen, S. Hung, D. Leiser провели масштабное кросс-культурное исследование в восьми странах с различным уровнем экономического развития. Значимые различия были выявлены по следующим направлениям. В странах с низким ВВП на первый план выступало восприятие существующей экономической несправедливости и поддержка ценового контроля со стороны государства. В более развитых странах преобладала экономическая удовлетворенность, вера в справедливый мир и противостояние социальной благотворительности [6].

Какие механизмы могут поддерживать данное различие в уровне веры в справедливый мир?

Во-первых, это взаимосвязь веры в справедливый мир и общей самооффективности. В более развитых странах большее внимание уделяется развитию человеческого капитала, что позволяет гражданам этих стран поддерживать свою самооффективность на основе удачного опыта экономического поведения. В менее развитых странах недостаточные инвестиции в образование и здравоохранение приводят к развитию экономической неэффективности и, как следствие, экономической неудовлетворенности.

Во-вторых, вера в справедливый мир позитивно коррелирует с внутренним локусом контроля, который подразумевает активную личностную позицию. Внутренний локус контроля в экономической сфере обеспечивает более высокую активность и предприимчивость в экономической сфере [7].

В-третьих, вера в справедливый мир связана с ориентацией на долгосрочные результаты, с инвестированием в будущее. Эти характеристики также являются немаловажными факторами, определяющими экономическое поведение человека [4].

Также важно учесть, что, согласно исследованиям, граждане в странах с более высоким уровнем развития и более высокими темпами модернизации осознают большую экономическую справедливость по сравнению с менее развитыми соседями, а это хорошая основа для поддержания веры в то, что мир в принципе справедлив [6].

Таким образом, можно констатировать, что существует взаимосвязь веры в справедливый мир и экономического поведения человека, его убеждений в сфере экономики. Однако эта взаимосвязь является сложной и многосторонней, и требует дальнейшего изучения.

1. *Lerner, M.J.* Belief in a just world: A fundamental delusion. / M.J. Lerner // New York: Plenum Press, 1980.–P.17–24.
2. *Correia, I.* Does the belief in a just world bring happiness? Causal relationships among belief in a just world, life satisfaction and mood. / I. Correia M. Batista, M. Lima // Australian Journal of Psychology.–2009.–Vol.61, №4.–P.220–227.
3. *Furnham, A.* Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature. / A. Furnham, E. Procter // British Journal of Social Psychology.–1989.–№ 28.–P.365–384.
4. *Hafer, C.L.* Investment in long-term goals and commitment to just means drive the need to believe in a just world. /C.L. Hafer // Personality and Social Psychology Bulletin.–2000.–№26.–P.1059–1073.
5. *Inglehart, R.* Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. / R. Inglehart, W.E. Baker // American Sociological Review.–2000–№ 65.–P.19–51.
6. *Allen, M.W.* Adult Economic Model and Values Survey: Cross-national differences in economic beliefs. / M.W. Allen, D. Leiser, S.H. Ng // Journal of Economic Psychology.–2004–№25.–P.263–278.
7. *Dalbert, C.* Belief in a just world. / C. Dalbert // Handbook of Individual Differences in Social Behavior / M.R. Leary, R.H. Hoyle. New York: Guilford Publications.–2009.–P.288–297.

И. Дубонос

Белорусский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В БОЛИВАРИАНИЗМЕ

Сложившийся в Латинской Америке феномен боливарианизма исследован объективно недостаточно. При этом, если условно разделить боливарианизм на практический (проводимая политика реформ и т.п.) и теоретический (базовые положения учения, его истоки и цели), то теоретический боливарианизм рассмотрен значительно слабее.

Мы ставим своей задачей исправить это, раскрыв содержание одного из ключевых теоретических моментов боливарианизма – философской концепции латиноамериканской истории в этом общественно-политическом учении. Изложение данной концепции возможно лишь тезисно, на основании отдельных работ и высказываний боливарианцев [1; 2; 3], поскольку нет сочинения, где боливарианская философия истории Латинской Америки изложена в цельном и законченном виде.

Первый и основной тезис философии истории боливарианцев можно сформулировать так – Латинская Америка не свободна. Основное его содержание можно изложить следующим образом: Латинская Америка всегда зависела от некоего центра силы, что несло ей различные бедствия. Зависимость принимала разные формы от прямого колониализма Испании и Португалии до непрямого контроля со стороны США; любая форма зависимости несет эксплуатацию. Эксплуатация ведет к ограблению Латинской Америки и ее слабости.

Первый тезис рождает второй – Латинская Америка страдает. Страдание приносится эксплуатацией, из которой нет выхода. Латинская Америка лишается плодов своего труда в пользу эксплуататоров, что приносит неисчислимые бедствия ее народу, страдающему от бедности, голода, болезней. Второй тезис тесно связан с третьим – Латинская Америка нуждается в свободе. Этот тезис постулирует, что для прекращения страданий, вызванных зависимостью, Латинская Америка должна выйти из зависимости, достичь подлинного суверенитета.

Четвертый тезис можно сформулировать так – враги среди нас. Любой латиноамериканец не хочет страдать. Но возникающие волнения, революции приводят зачастую к результатам, противоположным декларируемым, либо же прерываются военным переворотом. Это происходит потому, что в любом латиноамериканском государстве есть группа лиц, которые обслуживают интересы колонизаторов – компрадорская элита. В обмен на предательство они получают прекращение страдания (высокий жизненный уровень).

Пятый тезис – зависимость неустойчива. Латинская Америка сильна, но не осознает своей общей силы. Зависимость существует лишь до тех пор, пока с ней соглашаются массы латиноамериканцев. Шестой тезис – мы есть Латинская Америка. Боливарианизм не ограничивается классовыми рамками, он готов принять в свои ряды любого, кто выступает за независимость Латинской Америки. Одной из особенностей всех речей Уго Чавеса (а теперь и Николаса Мадуро) является венчающий их призыв «¡Venceremos!», что значит «мы [латиноамериканцы] победим [врагов]!» Этот призыв постулирует единство всех латиноамериканцев в борьбе с зависимостью и вызываемым ею страданием.

Седьмой, ключевой тезис – революцию рождает решимость. Чтобы запустить волну, которая даст независимость и прекращение страданий, нужна решимость латиноамериканцев – нас – сражаться за свою свободу. Развитием этого тезиса является следующий – сплоченность рождает решимость. Лишь достигнув сплоченности латиноамериканцы могут стать достаточно решительны, чтобы победить колонизаторов и достичь независимости. Следующий тезис – лидер дает сплоченность. Сильная личность может сплотить вокруг себя людей, дать им решимость сражаться – а сама эта решимость равна победе.

История региона в представлении боливарианцев предстает как непрерывное страдание зависимых латиноамериканцев, которые запуганы и находятся под контролем внешнего и внутреннего (т.е. компрадорских элит) врага. Положение масс отчаянно и они нуждаются в независимости. Но попытки ее достичь не достигают успеха по одной из двух причин. Массы либо не достигают нужной сплоченности для успеха революции, которая проваливается в самом своем начале, либо же теряют сплоченность с ее первыми успехами, что приводит к ослаблению лидера революции, который не успевает выполнить поставленные цели, будучи сверженным уцелевшими в революции представителями компрадорских элит. Это приводит к воспроизведению концепции зависимого развития, приносящей страдание Латинской Америки. Выход боливарианцы видят в перманентной революции, когда массы не теряют сплоченности после первых же успехов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что философия истории Латинской Америки является неотъемлемым компонентом боливарианизма, который на ее основе выводит свою политическую программу. Эта философия порицает сложившуюся практику зависимого развития, предлагая взамен ее свою идею перманентной революции.

---

1. Чавес, У. Строки размышлений Чавеса = Las líneas de Chavez / Уго Рафаэль Чавес Фриас. – М., 2010. – 560 с.

2. Chavez, H. Selección de discursos del presidente de la República Bolivariana de Venezuela. T. 1: 1999, “año de la refundación de la Republica” / Hugo Chavez. – Caracas, 1999. – 591 p.

3. Revolución o muerte [Recurso electrónico]. – Régimen de acceso: <http://www.revolucionomuerte.org/>. – Data de acceso: 03.04.2013.

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Одной из наиболее острых проблем этического знания является вопрос о применимости этической теории в повседневной жизни человеческого сообщества? Кажется, что между этическими концепциями и очередью за хлебом разверзлась пропасть. Если каждый поступок будет требовать от человека обращения к многоуровневому зданию теории, то мы перестанем как-либо поступать в принципе. Возникает закономерный вопрос: нужна ли человеку эта этическая «подпорка» в повседневной жизни?

В то же время показателен тот факт, что этические категории являются и общеупотребительными словами обывденного языка. Однако они существуют здесь иначе, чем в реальности этического учения. Теория имеет дело с абстрактным этическим субъектом, лишенным конкретно-личностных характеристик. Но в повседневности человек поставлен в иное отношение к миру, где каждый окружающий – Другой, конкретное человеческое Я.

Стоит также вспомнить о том, что предельные этические понятия актуализируются в так называемых экзистенциальных ситуациях, где человек обречен на выбор и ответственность за него. В повседневной же жизни поступок не является экзистенциальным выбором – он легче, а потому легковеснее наши суждения о добре и зле, о счастье и долге. Но тень будущей или прошлой экзистенциальной ситуации преследует нас. Этические категории присутствуют в повседневной жизни как бы в стадии затишья, они обещают проявиться в полной мере в экзистенциальной ситуации, то есть в «перерыве» повседневности.

Неужели этика лишь дремлет в повседневности? Что обуславливает нашу каждодневную коммуникацию с Другим, выступая как необходимые этические ориентиры? Такие ориентиры вобрал в себя этикет, являясь сводом правил поведения в обществе.

Часто соблюдение правил этикета кажется нам простой формальностью, мы полагаем, что так ведет себя воспитанный человек по привычке. Однако сама эта привычка есть плод долгих исканий точки опоры в отношениях с Другим. Изначально правила этикета рождались в малом сообществе, различая отдельные социальные группы. Следовательно, они не могли быть простым проявлением привычки, но являлись, напротив, результатом усилия над собой. Наиболее общие, удачные и необходимые нормы общения экстраполировались затем на более широкую область. В подоплеке следованию правилам этикета лежит не пустая привычка, а желание проявлять доброе отношение к Другому, которое является и гарантом доброго отношения к тебе. Может показаться, что этикет так же не учитывает конкретную человеческую личность, как это случается в этической теории – желания человека приносятся в жертву общепринятости. Однако, если я принимаю эти нормы, значит, привычка их исполнения не противоречит говорящему во мне этическому сознанию. Следуя определенному этикету, мы разделяем конкретные ценности – общечеловеческие, национальные, или же ценности малого сообщества. Вторым показателем того, что нормы этикета непосредственным образом затрагивают человеческую личность, является тот факт, что некто, восстающий против общественной морали в целом, чаще всего начинает свой бунт с нарушения правил поведения в обществе. Нормы этикета ценны для нас тем, что они являются овнешнением наших этических воззрений в повседневной жизни. И если люди, бунтующие против общепринятых этических норм, объединяются в группы – они тут же создают свой этикет. Становится очевидным, что общественное требование соблюдения норм этикета не

является пустым звуком, что этикет вводит недремлющий этический элемент в нашу повседневную жизнь.

Итак, начав с обнаружения пропасти между этической теорией и повседневной жизнью, мы обнаружили, что над пропастью перекинут мост категорий, принимаемых за некий этический фундамент и теоретиком, и обычным, «повседневным» человеком. Этот фундамент рождает привычные для члена сообщества ориентиры в повседневной жизни, материализующие себя в этикете.

1. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-85. – М.: Наука, 1986.

2. Неожданный Честертон: Рассказы. Эссе. Сказки. / Пер. с англ.; сост., биограф. очерки и общ. ред. Н. Трауберг. – М.: Истина и Жизнь, 2002.

А. Захарэвіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

ЭСТЭТЫЗАЦЫЯ БРЫДКАГА: МАРАЛЬНЫЯ НАСТУПСТВЫ

У галерэях сучаснага мастацтва трэба прапаноўваць пакецікі, якія даюцца пасажырам самалётаў. Тыповы прадстаўнік сучаснага візуальнага мастацтва – аўтар інсталяцый “анатомія смецця” і “метамарфозы фекалій”, які падпісвае свае працы сліной і спермай. І я безумоўна магу абвінаваціць яго ў неэстэтычнасці і амаральнасці, але ж ягоныя выставы папулярныя! Уваход каштуе немалыя грошы, а каб трапіць на адкрыццё – трэба паклапаціцца пра білеты мінімум за некалькі тыдняў. Як вядома, попыт нараджае прапанову. Так што, чым больш будзе аматараў смеццэвай анатоміі, тым больш будуць з’яўляцца і падобныя інсталяцыі.

Было б несправядліва, аднак, сцвярджаць, што эстэтызацыя брыдкага ў мастацтве практыкуецца толькі апошнія пару-тройку дзясяткаў гадоў. Феномен антымастацтва – вынік эстэтызацыі брыдкага ў мастацтве, – вядомы столькі ж, колькі і само мастацтва. У розных культурах існавалі і існуюць розныя ўяўленні пра брыдкае, і надаюцца брыдкаму розныя ролі ў мастацтве. Асаблівае месца займае праблема брыдкага ў хрысціянскай этыцы. Хрысціянскія мысляры высока цанілі бачную прыгажосць свету і чалавека, але сцвярджалі, што нават брыдкі знешні выгляд можа спалучацца з унутранай прыгажосцю. На аснове гэтага тэзісу развілася эстэтыка аскетызму хрысціянскіх манахаў. [2]

Брыдкае можа быць мастацкім вобразам менавіта ў якасці брыдкага. Гэты феномен уласцівы для твораў на актуальныя сацыяльна-праблемныя тэмы. Мастак выступае транслятарам, які агалошвае праблему. Нярэдка індывід супраціўляецца негатыўнай сацыяльна істотнай інфармацыі, прымаючы пазіцыю “я пра гэта нічога не ведаю, а значыцца, гэтага не існуе”. Ён жыве ў сваёй зоне камфорту, з якой яго неабходна выкінуць.

Мастацтва трансфармуецца – і гэта нармальна. Змяняюцца формы, акцэнты і вобразы. Адмаўляць каштоўнасць пэўных мастацкіх твораў толькі таму, што асобна ўзятаму індывіду гэтыя творы падаюцца “няправільнымі” – недапушчальна. Але на ўваходзе ў сучасныя галерэі варта ўсё-ткі прапаноўваць пакецікі. І ў кінатэатрах таксама.

Сімвал нашай эпохі – эўфемізм. Мы ўжо даўно не называем шматлікія рэчы сваімі імёнамі. Выкарыстоўваючы эўфемізмы, мы эстэтызуем брыдкае. Аднак мы не заяўляем адкрыта, што брыдкае ёсць прыгажосць. Мы хаваем уродлівасць за шырмай – нейтральным па сэнсе словам і атаесамляем брыдкасць з шырмай. Але мы не прызнаем нейтральнае брыдкім, не. Наадварот, мы сцвярджаем, што брыдкасць – гэта аніякая не брыдкасць, а ўсяго толькі нейтральнае, альбо нават пазітыўнае паняцце.

Безумоўна, для эстэтызацыі брыдкага неабходна вызначыць для сябе, што ёсць брыдкае ў побыце. Калі адносна мастацтва мы кажам пра брыдкае як пра пра не-цудоўнае, то адносна штодзённасці варта вызначаць брыдкае як не-карыснае. [1] Канешне, гэта вельмі спрошчаная мадэль, але яна дазваляе ўбачыць некаторыя акцэнтны. Адназначна надаць карысці статус вызначальнага фактара ў адмежаванні цудоўнага і брыдкага не дазваляе той факт, што карысць – гэта адносная, а не абсалютная велічыня.

Яшчэ адзін спосаб эстэтызацыі брыдкага – гэта сталае разуменне і ўзважанае асэнсаванне таго, што пэўная з’ява, якую мы раней трактавалі як брыдкае, такой не з’яўляецца. Такі тып эстэтызацыі лёгка адслежваецца ў нормах паліткарэктнасці, забароне дыскрымінацый, адмаўлення ад цэнзуры.

Самі па сабе маральныя наступствы эстэтызацыі брыдкага я прапаноўваю падзяліць на пазітыўныя і негатыўныя. Да пазітыўных маральных наступстваў варта аднесці развіццё эмпатыі, (сама)вызваленне ад забабонаў, забарона дыскрымінацыі. Страх перад негатыўнымі маральнымі наступствамі эстэтызацыі брыдкага не пакідае шанцаў пазітыўным наступствам і замянае шырокай прапагандзе гуманізму. У выніку грамадства з жахам сутыкаецца з сітуацыяй атрафіі шэрагу маральных пачуццяў, і перад ім узнікаюць новыя і новыя праблемы. Аднак, негатыўных наступстваў эстэтызацыі брыдкага і праўда варта баяцца, бо да іх шэрагу адносяцца змена каштоўнасных арыенціраў і духоўных ідэалаў. Змяняюцца асноўныя прынцыпы камунікацыі, базавыя ўяўленні пра дабро і зло, трансфармуюцца формы і мадэлі ўзаемаадносінаў індывідаў.

1. <http://www.taby27.ru/manager/index.php?a=4&pid=4> - _ftnref1 Этика: Словарь. Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Политиздат. – 2001.

2. Яковлев, Е.Г. Эстетическое сознание, искусство и религия / Е.Г Яковлев – М: Искусство. – 1969. – 170 с.

С. Зизюк

Белорусский государственный университет

АФФЕКТИВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТРАВМАТИЗАЦИИ У АЛЕКСИТИМИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

В настоящее время внимание исследователей все больше привлечено к изучению алекситимического радикала в структуре личности, как одному из факторов риска возникновения психосоматических расстройств.

Алекситимия представляет собой неспособность индивида вербализировать свои эмоции и эмоциональное состояние других людей [2].

В данном исследовании особое внимание мы уделили неадекватной аффективной поддержке ребенка в довербальном периоде развития, как одному из компонентов психотравматизации и фактору, способствующему формированию алекситимического типа личности, а также формированию алекситимического радикала в структуре личности вследствие пережитой психотравмирующей ситуации в более позднем возрасте.

Под психической травмой мы будем понимать сверхсильное эмоциональное переживание, вызывающее страх эмоций, тенденцию к их блокировке, и сопровождающееся обездвиживанием, уходом, возможной деперсонализацией и признаками дезорганизации, а также регрессией в какой-либо сфере психического функционирования и аффективного выражения [2].

В результате анализа теорий возникновения психической травмы и концепций формирования алекситимического радикала в структуре личности, нами были определены

две основные модели влияния психической травмы на формирование алекситимического типа личности – модель «неадекватной аффективной поддержки» и модель «непереносимого аффекта» [1; 2; 3].

Согласно модели «неадекватной аффективной поддержки», алекситимический тип личности может сформироваться вследствие перенесенной в детстве психической травмы, возникшей в результате неадекватной аффективной поддержки матери либо другого опекающего лица; а согласно модели «непереносимого аффекта» вследствие столкновения индивида с травматической ситуацией, в качестве защиты от непереносимых аффектов в структуре личности индивида формируется алекситимический радикал.

В результате эмпирического исследования блок сверхопекающего поведения матери в модели «неадекватной аффективной поддержки» получил эмпирическое подтверждение.

Что же касается блока латентно-отвергающего поведения матери в модели «неадекватной аффективной поддержки», то эмпирического подтверждения в данном исследовании он не получил.

Также в ходе эмпирического исследования было установлено, что некоторые стили родительского воспитания, такие как проекция собственных нежелательных качеств на ребенка, чрезмерность запретов и завышенные требования к детям, чрезмерное внимание воспитанию детей, а также поощрение в подростках детских качеств, способствуют формированию алекситимического радикала в структуре личности ребенка.

В воспитании детей родители предоставляют мальчикам большую самостоятельность, чем девочкам. А в отношении девочек родители чаще склонны проецировать собственные нежелательные качества, чем в отношении мальчиков. В то же время было установлено, что проекция собственных нежелательных качеств на ребенка способствует формированию у него алекситимического радикала.

В процессе исследования была определена закономерность, что чем больше детей в семье, тем более требовательны к ним родители. Однако чрезмерность запретов и завышенные требования к детям формируют у них предрасположенность к алекситимии.

У детей, родители которых применяют лишь поощрения и не применяют наказаний, возрастает риск психотравматизации.

Лица с алекситимическим типом личности склонны к депрессивным состояниям, что подтверждает ряд зарубежных исследований о взаимосвязи депрессии и алекситимии [1].

Модель «непереносимого аффекта» также получила свое эмпирическое подтверждение.

Помимо этого было установлено, что для лиц с алекситимическим типом личности характерно отсутствие нормального психомоторного тонуса, что является возможным проявлением особенности алекситимических индивидов ощущать накопленное физиологическое напряжение из-за трудностей в вербализации эмоций [2].

---

1. Былкина, Н.Д. Алекситимия (аналитический обзор зарубежных исследований) / Н.Д. Былкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология.–1995.–№1.–С.43-53.

2. Кристал, Г. Интеграция и самоисцеление: аффект–травма–алекситимия / Г. Кристал – М.:Институт общегуманитарных исследований, 2006.–800 с.

3. Nemiah, J.C. Psychosomatic illness and problem of communication/ J.C. Nemiah, P.E. Sifneos // Psychother and psychosom–1970.–Vol.18–P. 154-160.

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ ТЕОДОРА АДОРНО

На понимание предмета философии музыки и музыкальной эстетики в целом значительное влияние оказали некоторые идеи социальной философии франкфуртской школы. Особое место в ней занимает эстетическая концепция, созданная Т. Адорно. Проекция его идей на музыкальную культуру современности имеет место быть, поскольку в контексте времени они читаются как достижение единства и целостности через сохранение и развитие самобытности различных культур и народов.

Согласно Адорно, функциональное отношение музыки к окружающему миру предстает в качестве творения подлинной социальности и отрицания неподлинной. Музыка в своих формах сразу и воспроизводит, и отрицает общественную ситуацию: «самодвижение музыкального материала имеет тот же источник, что и общественный прогресс». Поскольку настоящее время, по мнению немецкого мыслителя – время кризисных явлений в духовной жизни общества, постольку музыкальное произведение должно отражать социальные противоречия. Только такое произведение, полагал он, может быть подлинным, которое демонстрирует свою противоречивость – в этом его соответствие действительности.

Основная задача музыкального произведения – концентрация социальности в музыке. Несовершенство природы человека таково, что он обречен испытывать на себе текучесть времени, воспринимая его в категориях прошедшего и будущего, не будучи в состоянии ощутить «устойчивое настоящее». Музыка – единственная область, в которой человек схватывает настоящее и в которой настоящее «длится», поэтому он должен стремиться не только чаще слушать музыку, но и «творить» ее.

Настоящая музыка, по убеждению философа – это путь к свободе и возвращение к себе. «Затвердевание» форм существования человека превращает общественное бытие в некую кунсткамеру, имитирующую живое, подменяющую динамику статикой. В этой ситуации для музыки возможны два пути: либо оставаться звуковым аналогом социальной системы и тем самым организованной, упорядоченной и насквозь рациональной формой, либо потерять ее как таковую, сломать застывшую форму, «разрушить законченность» общественного бытия.

Оригинальную философско-эстетическую концепцию музыки Т. Адорно развил в работах «Философия новой музыки», «Введение в социологию музыки» и «Эстетическая теория». В них он говорит об актуальности создания «философии новой музыки». Ориентируясь на творчество композиторов «новой венской школы» – А. Шёнберга, А. Берга, А. Веберна, мыслитель противопоставляет классической, устаревшей, по его мнению, музыке – «новую музыку». Классическая музыка стремилась к «преображению страстей», в то время как новая является фиксацией «непросветленного страдания». Она несовместима с массовой стандартизированной музыкальной.

В посмертно изданной книге «Эстетическая теория» Т. Адорно распространяет свое понимание музыки на все искусство. Новое искусство, по его мнению, свободно от связи с культом, оно достигло автономии и каждым своим произведением доказывает свободу от требований традиции.

Идея, что только авангардная музыка, доступная немногим, является подлинной музыкой, означает приоритет «композиторско-логического» начала как при оценке музыки, так и при оценке ее слушателей. Последние подразделяются на группы. Во-первых, это слушатели-эксперты, руководствующиеся в восприятии музыки музыкальной логикой; во-вторых, это слушатели, неосознанно владеющие музыкальной логикой и , в

третьих, эмоциональные слушатели – массовые потребители музыкальной культуры, как развлекающиеся, так и равнодушные. Подавляющее большинство слушателей попадает в категорию «равнодушных». Однако следует отметить, что если это так, то остается непонятной особая роль музыки в жизни общества и решаемая ею задача выражения чувств слушателей и их гармонизации.

Хотя в «Философии новой музыки» Т. Адорно как социальный философ, не мог не затронуть вопрос о связи музыки с общественной жизнью, все же он становится главным в работе «Введение в социологию музыки». Ее основная идея состоит в доказательстве, что социальный характер музыки определяется не происхождением композитора и не социальным составом его аудитории, а только особенностями отображения социальной структуры общества в структуре самого музыкального произведения. Поскольку же суть социальных отношений мыслитель видит в конфликте между личностью и подавляющей ее тотальностью социума, то отображение этого конфликта выступает для него критерием истинности музыки. «Чем в более чистой и бескомпромиссной форме музыка постигает антагонистические противоречия, чем более глубокое структурное оформление они получают, тем меньше музыка оказывается идеологией и тем более – верным объективным сознанием», считает он.

Таким образом, в концепции Т. Адорно музыка предстает явлением аналогичным социуму потому, что и звуковые формы, и социальные формы есть организованные формы. Перестав быть организованной формой, музыка отрицает социум и утверждает «иное». Такая подлинная музыка – залог подлинности человеческого существования в настоящем – музыки, «льющейся с Небес».

И в заключение хотелось бы привести слова Теодора Адорно из его статьи об Антоне Веберне: «Как творческий итог нельзя отделить от технических находок, так и эти последние подводят нас к тем сочинениям, где их начала и истоки, – к идее этих сочинений. Музыка живет и побеждает время – сама музыка, а не ее технические средства, сколь бы замечательны они ни были».

А. Кулешов

Белорусский государственный университет

СЛУЖБА ПЕРЕЛИВАНИЯ КРОВИ КАК «РЫНОК ТОВАРОВ И УСЛУГ»

Факторы рискованного поведения, социально опасные заболевания, старение населения – с одной стороны – и возрастающие потребности развивающейся высокотехнологичной медицины, рост травматизма с тяжелыми последствиями – с другой стороны – требуют от общества все большего напряжения для удовлетворения спроса на донорскую кровь. Причем потребности в гемопродуктах тем выше, чем выше уровень развития фармакологии и оказываемой медицинской помощи в конкретной стране или регионе.

Таким образом, в условиях сокращения донорспособного населения и ожидаемого усугубления данной тенденции в ближайшем будущем, успешное взаимодействие системы здравоохранения с населением в деле привлечения здоровых добровольцев в ряды доноров оказывается крайне важным. Не менее значимым является формирование и дальнейшее сохранение позитивной установки на участие в донорстве: наряду с сохранением здоровья донора, необходимо достижение максимально возможной кратности кроводач. Донорская кровь, будучи возобновляемым ресурсом, должна быть не только рационально использована, но и требует установления эффективных и устойчивых путей ее получения: как в плане заготовки и хранения, так и в плане взаимодействия службы переливания крови с населением.

Гемопродукты распределяются между всеми членами общества. Количество крови, которое может быть заготовлено от доноров, ограничено, тогда как объемы ее потребления возрастают. Следовательно, есть основания говорить о донорской крови как о дефицитном (или потенциально дефицитном) продукте. И хотя в отношении донорской крови и изготовленных из нее препаратов не могут работать классические законы экономики (например, закон формирования спроса и предложения), тем не менее, может быть отмечено существенное внешнее сходство структуры службы переливания крови со структурой рынка товаров и услуг.

Так, на рынке могут быть выделены следующие его компоненты, или участники:

- производитель товара или услуги;
- потребитель товара или услуги;
- поставщик товара или услуги от производителя к потребителю.

Взаимоотношения между производителем, потребителем и поставщиком регламентируются законом, за соблюдением которого призвано следить государство.

Предложенная схема применима и к такому социальному явлению, каковым является донорство крови и ее компонентов. Донор должен быть рассмотрен как единственный источник получения крови и ее компонентов – ресурса, необходимого для изготовления гемотрансфузионных средств, конечным потребителем которых является реципиент. Деятельность службы переливания крови, направленная на заготовку, хранение, переработку, контроль качества продуктов крови и их распределение между нуждающимися, может быть обобщена и описана в качестве канала, связывающего донора с реципиентом. Рассмотрение технологических проблем, возникающих внутри службы крови, не представляет для нас интереса, поскольку эти вопросы лежат в сфере, прежде всего, естественнонаучных и технических дисциплин.

С точки зрения социологии актуальными являются следующие направления исследования:

- рассмотрение донорской крови и ее компонентов как стратегического ресурса;
- исследование особенностей коммуникации службы переливания крови с населением;
- получение оценки качества этой коммуникации с целью максимальной ее оптимизации.

Единственным источником получения препаратов крови на современном этапе развития науки являются люди, которые по возрасту и состоянию здоровья могут выполнять донорскую функцию. Таким образом, донорская кровь представляет собой ограниченный ресурс, источник которого является возобновляемым, но иссякаемым.

М. Мизгирёва

Белорусский государственный университет

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК В ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Самопрезентация – это целенаправленный, осознаваемый или неосознаваемый процесс контролируемого собственного образа в глазах других субъектов, способствующий реализации определённого мотива индивида в той или иной коммуникативной ситуации с учётом его личностных характеристик и с помощью различных стратегий, техник и тактик [4].

Основными единицами анализа самопрезентации являются стратегии. Стратегии самопрезентации включают в себя перечень различных техник и тактик, которые характеризуются различными приёмами, средствами и операциями [4].

В процессе теоретического исследования были выявлены следующие стратегии: инграция; самопродвижение; примерность; запугивание; мольба; оборонительное самопредъявление; позитивное самопредъявление; предохранительное самопредъявление [5; 6].

В юношеском возрасте юноши чаще используют агрессивные стратегии самопрезентации, а у девушки – защитные. Это объясняется тем, что для поддержания лидерства, юноши, чаще всего, используют запугивание. Девушки, чаще всего, с помощью демонстрации своей слабости достигают желаемого результата [3].

Самопрезентация в электронных социальных сетях – это акт творчества и самовыражения посредством представленных программных сервисов ресурсов, возможностей как текстуальных, так и мультимедийных [1].

В связи с отсутствием самоощущения в электронных социальных сетях, единственной возможностью репрезентации являются фотографии субъекта. Отсутствие невербальной коммуникации увеличивает значение речи как инструмента коммуникации, в связи с этим субъект имеет возможность выбирать собственный стиль общения. Эмоциональная и мотивационная сфера субъекта выражается в анкетной презентации; социальный компонент личности выражается в информации о «социальном статусе пользователя» [1].

Существуют половые особенности самопрезентации в электронных социальных сетях. Для юношей характерно стремление к превосходству и использование агрессивных стратегий и тактики «нанесения вреда», в то время как, девушки стремятся к совершенству, используя позитивные стратегии и тактику «наслаждение отражённой славой». Самопрезентация в электронных социальных сетях представителей первого периода юности (15-17 лет) характеризуется приукрашиванием «анкетных данных». Для второго периода юности (17-21 года) характерна самопрезентация через факты собственной биографии [2].

Выбор стратегии самопрезентации в электронной социальной сети, зависит от желаемой цели субъекта, от его опыта общения в опосредованном виртуальном пространстве и от аудитории которой направлена так или иная стратегия самопрезентации [1].

Таким образом, электронные социальные сети могут представлять собой реализацию идеального «Я». Абсолютно контролируемая и управляемая самопрезентация позволяет «воплотить», пусть в пространстве виртуального общения, все недостижимые в реальности мечты «о себе» [1; 2].

---

1. Войскунский, А.Е. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. – М. : ООО «Можайск -Терра», 2000. – 431 с.

2. Особенности самопрезентации в Интернет-сетях в период ранней юности и молодости / В.К. Уманская [и др.] // Вест. Костамского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Сер. Педагогика. Психология. Социальная работа. Социокинетика. – № 4. – С. 66-68.

3. Пикулёва, О.А. Гендерные, возрастные и профессиональные особенности тактик самопрезентации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / О.А. Пикулёва; С.- Петербург, 2004. – 20 с.

4. Фёдорова, Н. Личностные и ситуационные факторы выбора вербальных техник самопрезентации / Н. Фёдорова // Научная база Московского государственного ун-та им. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://psy.msu.ru/science/autoref/fedorova.pdf>. – Дата доступа: 29.03.2013.

5. Bechar, H. From Bonehead to Clonehead: Nicknames, Play, and identity in Internet Relay Chat / H. Bechar // Journal of Computer-Mediated Communication. – 1995. – № 1 (2), P. 663-678.

6. Human communication / J. Pearson, L. Harter. – N.Y.: Univ. Press– 2003. – 565 p.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) интересно для исследования тем, что является промежуточной формой взаимодействия между государственной и частной собственностью, а также как своеобразная управленческая альтернатива приватизации. По сути, данная кооперация позволяет преодолеть экономическое противоречие, возникающее, когда стратегически важные объекты не могут быть переданы в частную собственность, но государственный бюджет не в состоянии обеспечить их финансирование в должном объеме. В этом случае капитал привлекается путем передачи частным структурам во временное владение, пользование или управление активов с сохранением за ними статуса госсобственности [6, с. 31]. Таким образом, ГЧП – это своеобразный альянс между государством и бизнесом для реализации общественно-значимых проектов и программ.

Для более точной операционализации данного понятия можно использовать формулировку, разработанную российским Центром ГЧП, функционирующим при Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)», и в полной мере соответствующую требованиям современной действительности: «ГЧП – это привлечение на контрактной основе органами власти частного сектора для более эффективного и качественного исполнения задач, относящихся к публичному сектору экономики на условиях компенсации затрат, разделения рисков, обязательств, компетенций» [1, с. 15].

Соответственно возникает вопрос, какие предпосылки для реализации подобного рода взаимодействия созданы в Республике Беларусь? С точки зрения оценки наличия в стране благоприятных условий и потенциала для развития ГЧП приоритетное значение имеет рассмотрение хронологии становления отношений между государственным и частным сектором. Со второй половины 1980-х предпринимательство в нашей стране прошло в своем развитии три основных этапа: 1) кооперативное предпринимательство (1988–1991 гг.), при котором основным источником предпринимательских доходов было использование разницы между государственными и свободными ценами; 2) предпринимательство в условиях свободного ценообразования (1992–1995 гг.), когда происходил бурный рост предпринимательской активности, а сами предприниматели начали осознавать себя как социальный слой со своими экономическими интересами; 3) предпринимательство в условиях централизованного государственного регулирования (с 1996 года по настоящее время). На данном этапе осуществление масштабной предпринимательской деятельности в Беларуси возможно преимущественно при непосредственной поддержке органов государственного управления [3, с. 784].

Стоит также отметить, что сформированная в Беларуси собственная теоретическая модель социально-экономического развития страны, получившая название социально ориентированной многоукладной рыночной наукоемкой экономики, направлена в первую очередь на высокий уровень экономического, политического и социального развития. При этом заложенные темпы экономического роста, повышение конкурентоспособности, инновационного развития, решение социальных проблем, в частности проблем качественного удовлетворения потребностей населения по стабильным ценам, несут существенную нагрузку на экономику страны. Как следствие, на долю государственной собственности приходится значительная часть производственного капитала страны. Подобное положение дел можно соотнести с выводами Всемирного банка, основанными

на исследовании, проведенном в 76 странах мира: при минимальных размерах государственного предпринимательства (если государственные предприятия производят менее 7% ВВП) темпы экономического роста достигают максимальных значений, и напротив – с увеличением масштабов государственного предпринимательства темпы экономического роста падают [3, с. 784]. Сущность же данной закономерности кроется в более высокой эффективности частных предприятий по сравнению с государственными, что было выявлено в ходе ряда международных социально-экономических исследований. Соответственно для Республики Беларусь актуальной остается задача повышения эффективности использования госсобственности. В свою очередь одним из возможных способов решения данной проблемы является установление партнерских отношений между государством и частным бизнесом.

Помимо экономических установок также необходимо рассмотреть правовую базу, касающуюся возможности развития ГЧП. В целом, сама идея законодательного закрепления основ государственно-частного партнерства для Беларуси не нова и обсуждается, начиная с середины девяностых годов. Однако наиболее активная стадия разработки данного вопроса была начата в 2011 году и связана с подготовкой проекта Закона «О государственно-частном партнерстве». Предполагается, что закон создаст условия для развития государственно-частного партнерства в Республике Беларусь, а также для обеспечения эффективности использования имущества, находящегося в собственности государства. Вместе с тем подготовка данного законопроекта напрямую связана с поддержанием и развитием привлекательного инвестиционного имиджа страны и, по мнению самих разработчиков, данный закон должен содержать общепринятые международные стандарты с той целью, чтобы инвесторы чувствовали себя уверенно в Беларуси [2, с. 70].

Перспективность данного экономического взаимодействия также отражена непосредственно в системных основах Государственно-частного партнерства, а именно:

- в объединении возможностей государства и частного бизнеса для совместного предоставления социально значимых услуг и реализации социально значимых проектов;

- в возможности эффективного «третьего пути», предоставляющего собой промежуточное решение между стопроцентно государственным предоставлением услуг и полной приватизацией;

- в сохранении государственного контроля за объектом ГЧП;

- в прямом регулировании деятельности единственного оператора (частной компании) там, где невозможно или нецелесообразно развитие конкурентной среды;

- в прозрачности отношений государства с частным сектором и конкурсном выборе коммерческих контрагентов [4, с. 832–833].

При этом, несмотря на указанные предпосылки принятия закона о ГЧП, важно осознавать и то, что взаимодействие государства и частного бизнеса, создание устойчивых партнерских отношений между ними как на республиканском, так и региональном уровнях может осложняться недостаточной проработанностью институционально-экономических основ этого «тандема». Нечеткое представление о финансовых источниках, потенциальных рисках и ожидаемой эффективности от реализации проектов в ряде случаев могут привести к неэффективному использованию государственных ресурсов. Не стоит также забывать и о том, что политическая традиция, менталитет и своеобразное мышление, сформировавшееся у граждан по отношению к частной собственности, могут оказывать существенное влияние на возможность реализации проектов ГЧП. Преимущественно это касается тех сфер, которые традиционно находятся на балансе государства. Следовательно, организаторам совместных проектов необходимо отдавать себе отчет в том, что определенная ломка социально-психологических клише, сложившихся у населения, –

процесс болезненный и длительный, управление которым не поддается командам, от кого бы они не исходили [4, с. 101]

Таким образом, в целях адекватного понимания возможностей и перспектив развития в Беларуси государственно-частного партнерства сегодня недостаточно руководствоваться только экономическими показателями либо правовыми нормами. Важное значение имеет выяснение социальных предпосылок для такого рода сотрудничества, рассмотрение его через призму мнений оценок и ожиданий, как граждан, так и субъектов хозяйствования, что является объектом исследования специалистов в области экономической социологии.

Обобщая вышеизложенные материалы, представляется, что, несмотря на наличие определенных социально-экономических и структурных барьеров, становление института государственно-частного партнерства имеет реальную перспективу в современной Беларуси. Так, по мере развития партнерских отношений в различных сферах государство может сместить акценты своей деятельности с конкретных проблем строительства и эксплуатации объектов на контрольные функции, тем самым обеспечивая более высокую эффективность решения своих социальных задач, что в свою очередь даст импульс социально-экономическому развитию страны [7; с. 312]. Также в пользу развития данного сотрудничества говорит и динамичное становление в последние десятилетия институтов ГЧП как в развитых странах, так и в развивающихся. Данная тенденция является лишним свидетельством того, что этот механизм работает и работает эффективно, причем в интересах всех заинтересованных сторон как государства и бизнеса, так и общества в своей совокупности выступающего в роли глобального потребителя качественных услуг.

1. Алтатов А.А., Пушкин А.В., Джапаридзе Р.М. Государственно-частное партнерство: Механизмы реализации. М., 2010.
2. Государственно-частное партнерство: приоритеты и перспективы для Беларуси / Под ред. Карягина В.Н. Мн., 2012.
3. Новейший социологический словарь / Сост. Грицанов А.А., Абушенко В.Л., Евелькин Г.М., Соколова Г.Н., Терещенко О.В. Мн., Книжный Дом, 2010.
4. Приватизация: глобальные тенденции и национальные особенности / Отв. ред. Виноградов В.А. М., 2006.
5. Соколова, Г.Н., Кобяк, О.В. Экономическая социология: Хрестоматия. Мн., 2001.
6. Тур А.Н. Особенности формирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь // Проблемы управления, 2011. №2 (39). С. 31–36.
7. Ярошевич Д.В. Государственно-частное партнерство как условие выхода из экономического кризиса // Пятая междунар. конф. Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования. Мн., 2009. С. 310–313.

А. Позднякова

Белорусский государственный университет

АТРИБУТИРОВАНИЕ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ЭЛЕКТРОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Электронные социальные сети (ЭСС) получили очень широкое распространение у пользователей Интернета по всему миру. При коммуникации в ЭСС стираются барьеры, вызванные существующим между пользователями расстоянием, разницей в социальном статусе и т.д. В ЭСС формируются собственные нормы и правила взаимодействий между пользователями, появляются свои собственные модные тенденции. Это способствует возникновению таких явлений, как перенос социальных процессов из реальности в виртуальность, обеднению реального общения, формированию зависимости от ЭСС [3; 4].

Однако еще до возникновения непосредственно зависимости от ЭСС индивид вовлечен в ЭСС, т.к. демонстрирует все три компонента структуры вовлеченности: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [1].

Атрибутирование нами рассматривается как процесс, в ходе которого собственным и чужим поступкам, а также объектам, которые непосредственно не присутствуют в поле восприятия субъекта, дается подробное объяснение посредством приписывания определенных причин, мотивов или иных социально-психологических характеристик. Локус контроля (экстернальный или интернальный) является устойчивой характеристикой атрибутивного стиля личности и может выступать в качестве критерия для разделения способов атрибутирования на категории в зависимости от его формы.

С целью передачи того, что возможна разная степень участия индивида в ЭСС, начиная от факта регистрации и заканчивая всевозможными формами виртуальной активности, в нашем исследовании используется понятие вовлеченности. Вовлеченность в ЭСС может рассматриваться как психологическое инвестирование и усилия, вкладываемые человеком в осуществляемую им пользовательскую активность в ЭСС, а также степень выраженности данной активности и степень идентификации человеком себя с ЭСС.

Зная особенности атрибутирования вовлеченности в ЭСС пользователей в зависимости от того, студентами гуманитарной или естественнонаучной специальности они являются, мы сможем выделить общее для всех пользователей в стратегиях атрибутирования вовлеченности в ЭСС, а также то, что является специфическим в стратегиях атрибутирования для студентов каждой из специальности. Деление выборки студентов на студентов естественнонаучной и гуманитарной специальностей обусловлено тем, что у студентов различных направлений подготовки имеются особенности развития профессионального самосознания и что деление на студентов естественнонаучной и гуманитарной специальностей является укоренившимся в культуре и науке, и оказывает серьезное влияние на особенности организации и репрезентации представлений о себе людьми, относящимися к данным субкультурам [2; 5].

В исследовании приняли участие 107 человек, из которых 52 являются студентами естественнонаучной специальности, а 55 – гуманитарной специальности.

В ходе статистического анализа полученных данных было установлено, что среди студентов естественнонаучной специальности больше доля лиц, обладающих интернальной направленностью атрибутирования вовлеченности в ЭСС, чем среди студентов гуманитарной специальности ($\varphi=2,332$). В то же время среди студентов-гуманитариев доля лиц с экстернальной направленностью атрибутирования выше, чем среди студентов естественнонаучной специальности ($\varphi=2,315$).

Как у студентов естественнонаучной специальности ($\varphi=4,228$), так и у студентов гуманитарной специальности ($\varphi=5,168$) преобладает интернальная направленность атрибутирования собственной вовлеченности в ЭСС.

Большая доля лиц среди студентов естественнонаучной специальности обладает интернальной направленностью локуса контроля, чем среди студентов гуманитарной специальности ($\varphi=4,053$). Соответственно, доля лиц, обладающих экстернальной направленностью локуса контроля больше среди студентов гуманитарной специальности ($\varphi=4,058$).

Студенты естественнонаучной специальности реже оценивают ($U=1073$; $p\leq 0,05$) и распространяют ($U=1115$; $p\leq 0,05$) контент, выкладываемый в ЭСС другими пользователями, а также реже публикуют оригинальный контент ($U=1089$; $p\leq 0,05$), чем студенты гуманитарной специальности.

Исходя из приведенных результатов исследования, можно утверждать, что между атрибутированием вовлеченности в ЭСС студентов естественнонаучной специальности и атрибутированием вовлеченности в ЭСС студентами гуманитарной специальности существует определенная разница, наличие которой детерминировано существованием различий в направленности локуса контроля у представителей данных специальностей.

1. Боброва, Е.А. Маркетинговая концепция вовлечения покупателей во взаимодействие с брендом / Е.А. Боброва // Креативная экономика. Издательство [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <http://www.creativeconomy.ru/articles/2568/>. – Дата доступа : 31.03.2013.
2. Борисова, Е.М. О роли профессиональной деятельности в развитии личности / Е.М. Борисова // Психология формирования и развития личности ; под.общ. ред. Л.И. Анцыферовой. – М. : Наука, 1980. – С. 159-177.
3. Особенности представлений о коммуникации у студентов, зависимых от социальных сетей / О.С. Андреева [и др.] // Вест. Тюменского гос. ун-та. – 2009. – № 5. – С. 138-142.
4. Психологические аспекты общения в социальных сетях виртуальной реальности / О.М. Шахмартова [и др.] // Известия ПГПУ. – 2011. – № 24. – С. 1002-1008.
5. Фофанова, Г.А. Структурно-содержательное своеобразие диалогической самости студентов естественнонаучных и гуманитарных факультетов / Г.А. Фофанова // Вестник Беларус. гос. ун-та. Сер. 3. – 2009. – № 3. – С. 54-59.

А. Полящук

Белорусский государственный университет

МОТИВЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ВИРТУАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТЬЮ ОБЩЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В настоящее время в сознании почти каждого современного человека существует такое понятие как интернет. Множество людей могут использовать в своей деятельности возможности, предоставляемые интернетом.

Невозможность удовлетворения определённых потребностей, неполная реализация своего «Я» в реальной жизни, предоставляет возможность индивиду в полной мере презентовать себя в виртуальном пространстве. Общение посредством Интернета особенно важно для тех людей, чья реальная жизнь по тем или иным причинам не отвечает требованиям предоставленными личности. Такие личности используют электронные социальные сети, как альтернативу своему непосредственному (реальному) окружению.

Общение – это специфический вид коммуникации, связанный с психическим контактом между реальными субъектами и приводящий к их взаимовлиянию, взаимопереживаниям и взаимопониманию [3].

Общение имеет отношение к проблеме мотивации, являясь избираемым и планируемым способом, средством удовлетворения потребностей, влечений и желаний. Ключевым фактором является взаимодействие субъектов в процессе общения [5].

Электронная социальная сеть – это виртуальная сеть, являющаяся средством обеспечения сервисов, связанных с установлением связей между его пользователями, а также разными пользователями и соответствующими их интересам информационными ресурсами, установленными на сайтах глобальной сети [1].

Выделяются различные психологические особенности общения в электронных социальных сетях. В качестве таких особенностей некоторые авторы выделяют анонимность, доступность, невидимость, множественность [6].

В результате физического отсутствия партнеров, общение теряет значение целого ряда барьеров, обусловленных такими характеристиками участников процесса общения,

которые выражены в их внешнем облике: их полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью.

Психологические особенности средств общения в электронных социальных сетях связаны с визуальным отсутствием собеседника в процессе общения в электронных социальных сетях. В связи с этим, наибольшее внимание уделяется вербальным средствам. При общении в электронных социальных сетях, опосредованное виртуальной личностью, под средством общения понимается сама виртуальная личность.

Виртуальная личность – это личность, созданная в Интернете, которая может отличаться качествами от личности человека в реальной жизни [3].

Ослабленность компонента телесного самоощущения в виртуальном пространстве является одной из психологических особенностей виртуальной личности в процессе общения в электронных социальных сетях. Особенную значимость Интернет может приобретать для тех, кому по каким-либо причинам трудно формировать свой образ «Я» с опорой на свои природные данные или социальные достижения [2].

Общение в электронных социальных сетях существенным образом преобразует деятельности субъекта в сфере личностной, мотивационной регуляции. Это преобразование затрагивает не только коммуникативную, но и мыслительную, мотивационную и эмоциональную сферы человека [4].

Таким образом, электронные социальные сети позволяют конструировать человеку желаемый образ себя, создавать лучшую с их точки зрения жизнь в виртуальном пространстве.

-
1. *Арестова, О.Н.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Вест. Московск. ун-та. Серия 14. Психология. – 1996. – № 4. – С. 14–20.
  2. *Беляева, А.В., Коул, М.* Компьютерно-опосредствованная совместная деятельность и проблема психического развития / А.В. Беляева, М. Коул // Психол. журн. – 1991. – Т. 12. – № 2. – С. 145–152.
  3. Большой психологический словарь [Текст]; сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. – СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
  4. *Войскунский, А.Е.* Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций / А.Е. Войскунский // Вопр. психол. – 1991. – № 6. – С. 142–147.
  5. *Волкова, А.И.* Психология общения / А.И. Волкова. – Ростов н/Д. : Феникс, 2007. – 47 с.
  6. *Жичкина, А.* Социально-психологические аспекты общения в Интернете / А. Жичкина. – М. : Дашков и Ко, 2004. – 27 с.

А. Похомова

Белорусский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОСОБОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Волонтерское движение как на региональном, так и на международном уровне представляет собой часть социальной системы, характеризующуюся теми же признаками, что и вся система в целом. В частности, речь идет о динамическом развитии и своевременном реагировании на происходящие процессы и обозначающиеся тенденции. Исключительно традиционные формы волонтерской деятельности характерны для тех обществ, где волонтерство как социальное явление только набирает свою силу и не имеет достаточной ресурсной базы для осуществления добровольного труда на новых основаниях.

Исторически первые формы волонтерской деятельности подразумевали непосредственное личное взаимодействие индивидов в целях оказания помощи нуждающимся по ряду направлений: медицинском, психологическом, социальном и т.д. Волонтеры и в настоящее время организуют мероприятия в привычных традиционных формах. Например, оказание надомной помощи престарелым, организация детских праздников в учреждениях образования и воспитания для детей-сирот, реализация специальных программ для работы с детьми, проходящими лечение в больницах.

Волонтерская деятельность приобретает новые виды и формы в соответствии с растущими потребностями современного общества. Практически любая общественная организация нуждается в опытных специалистах для разработки сайта организации, актуализации информации, создании привлекательного интерфейса для привлечения партнеров, спонсоров, волонтеров и других людей, небезразличных к деятельности данного объединения. Существует потребность в талантливых журналистах, способных описать активность организации, дать достаточно яркий и интересный материал о проводимых мероприятиях, об опытах сотрудничества, о возникающих трудностях на пути реализации тех или иных идей и т.д. Волонтеры могут осуществлять работу по переводу текстов брошюр, методических пособий, официальных писем, информации на сайте организации и т.д. Продемонстрированные примеры помогают акцентировать внимание на снижении необходимости личных контактов при осуществлении добровольческой работы. Волонтеры могут выполнять необходимую часть работы удаленно посредством глобальной сети Интернет, сдавать задание в срок, затрачивая минимальное количество времени на получение задания и доставку выполненной работы.

Подобная форма осуществления волонтерской деятельности носит название «онлайн-волонтерство». Данная форма учитывает уровень развития Интернет технологий, характерные для того или иного региона мира. Согласно отчету UNV (United Nations Volunteers) о состоянии волонтерства по всему миру за 2011, с средним 26% населения имеет доступ к Интернет (в развитых странах этот показатель поднимается до 64% по данным на 2009 год, только 18% населения в странах с низким уровнем доходов могут позволить себе интернет-пользование [1, с.27]). Сотрудничество волонтеров, находящихся на значительном расстоянии друг от друга и обладающих знаниями в разных областях науки при коммуникации посредством Интернет-технологий может привести к значительным результатам. Так результатами усилий 22 волонтеров из 11 стран мира стало поддержание работы сайта программы UNESCO «Всемирное наследие» по охране лесов. В результате аналитической, исследовательской работы волонтеров был подготовлен отчет о состоянии лесов по всему миру за 2011 год и составлена соответствующая база данных [1, с.28; 2]).

Интернет-волонтерство позволяет осуществлять помощь другим людям без непосредственного личного присутствия, таким образом, ликвидируется проблема географической отдаленности, частично временные ограничения и др. Следовательно, повышается гибкость и свобода в осуществлении волонтерской деятельности.

Другой формой волонтерства является микроволонтерство, или использование мобильного телефона для волонтерской деятельности [3, с. 2-3]. Как отмечают исследователи, микроформы волонтерской деятельности могут быть применены для опроса целевой аудитории для оказания адресной помощи, для создания банка данных изображений, ресурсы которого могут быть предоставлены некоммерческим организациям на бесплатной основе и др. Однако, доля микроволонтерства в структуре волонтерской деятельности невелика, что является следствием отсутствия опыта использования

технологий в деятельности волонтеров, отсутствие соответствующей материальной базы, отсутствие информации о подобных возможностях приложения творческих сил и энергии.

Вслед за изменением технологий увеличивается интерес к возможности использования Интернет-ресурсов для развития более мобильных форм онлайн – и микро-волонтерства. Онлайн – волонтерство позволяет снижать временные затраты на выполнение волонтерской работы, осуществлять интересную и полезную для себя и сообщества деятельность доступными средствами. Новые формы волонтерской работы стали также ответом на снижение количества волонтеров в мире.

1. State of the world's volunteerism report / United Nations Volunteers. – Denmark: Phoenix Design Aid, 2011. – 27-30 p.
2. World Heritage Forest Programme / [Electronic resource]. – Mode of access: <http://whc.unesco.org/en/forests> – Date of access : 30.04.2013.
3. *Paylor, J.* Micro-volunteering: doing some good through smartphones? / Paylor Jonathan // Institute for Volunteering Research, 2011. – 16 p.

Е. Преблагина

Белорусский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛЕЙ В ЖЕНСКИХ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ПАРАХ

Исследуя литературу по данному вопросу, мы пришли к выводу, что большинство исследователей огромное внимание уделяет развитию и здоровью детей в гомосексуальных семьях, упуская из вида самих родителей, их готовность к воспитанию психологически и физически здорового ребёнка, а так же факторы, оказывающие влияние на формирование готовности к родительству.

Одной из важнейших характеристик современной семьи является её ролевая структура, отражающая, какие обязанности в семье выполняет каждый из партнеров, насколько жёстко они связаны с полом, в какой степени определяются волей и желанием супругов, а в какой – традициями и другими внешними факторами.

Таким образом, изучение распределения ролей было организовано с помощью сравнительного метода с использованием двух выборок: экспериментальной, которую составили пары женщин гомосексуальной ориентацией ($n=15$), и контрольной, которая включала в себя пары гетеросексуальной ориентации ($n=20$) в возрасте от 20 до 27 лет. Стаж совместного проживания варьировался от 1 до 4 лет, все пары на момент исследования не имели детей.

По результатам данных полученных в ходе исследования с помощью таких методик, как вопросник С. Бем по изучению маскулинности-феминности, опросник «Распределение ролей в семье» авторы Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская и опросник «Ролевые ожидания партнеров» автор А.Н. Волкова были выявлены следующие тенденции [1]:

Как гомосексуальные (женские), так и гетеросексуальные пары демонстрируют демократический тип распределения ролей, когда управление семьей лежит на плечах обоих партнеров примерно в равной мере во всех сферах жизнедеятельности семьи.

Было выявлено, что в гомосексуальных (женских) парах проявляется большая рассогласованность ($U=64,000$, $p=0,000$) в распределении ролей, а также меньшая ролевая адекватность ($U=112,000$, $p=0,006$) и меньшие притязания ($U=67,000$, $p=0,000$) нежели в гетеросексуальных парах. Это особенно ярко выражено в таких областях, как родительно-воспитательная, хозяйственно бытовая, а также в сфере социальной активности.

Женщины гомосексуальной ориентации демонстрируют более низкие показатели относительно хозяйственно-бытовой ($U=71,500$, $p=0,000$) и родительно-воспитательной сфер ($U=40,000$, $p=0,000$) по подшкале «шкала семейных ценностей».

При анализе распределения ролей в парах статистически значимые результаты были выявлены при сравнении мужа и жены в молодых семьях в родительско-воспитательной сфере ($U=54,000$, $p=0,044$), а также в сфере материального обеспечения семьи ($U=0,000$, $p=0,044$). При этом мужчина традиционно брал на себя роль «кормильца» и в тоже время демонстрировал желание принимать участие в воспитании детей.

Статистическая обработка проводилась с помощью программы SPSS 16.0. Все данные подтверждены с помощью непараметрического критерия – U-критерий Манна-Уитни [2].

Женщины гомосексуальной ориентации были разделены на 3 группы по результатам методики С. Бем (феминность-маскулинность). При перекрестном анализе было установлено, что маскулинные женщины демонстрируют в основном традиционно мужское поведение, в то время как феминные – традиционно женское. Было показано, что дети, воспитанные в семье с родителями гомосексуальной ориентации, более гибко интерпретируют гендерные роли [4].

Есть необходимость указать на некоторые основные факторы, объясняющие данные различия. Таковыми являются: отсутствие определенных моделей распределения ролей в сферах хозяйственно-бытового, родительско-воспитательного взаимодействия, подходящих для однополых пар и отсутствие какого-либо официального аналога браку. Также следует отметить, что существует проблема одного официального родителя [3] в однополых семье, что сказывается на распределении ролей в родительско-воспитательной сфере и наличие феномена «размывания» ответственности в хозяйственно-бытовой сфере в парах женщин гомосексуальной ориентации.

1. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Кпечиной . – СПб.: Питер, 2003. – 479 с:
2. Сидоренко, Е.В. Методы математической обработки данных в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2004. – 349.
3. Худякова, О.Ю. Установление происхождения детей в однополых союзах по законодательству США / О.Ю. Худякова. – Москва: Государство и право, 2009. – № 6. С. 97-102
4. Case, R. Working with families having parents who are gay or lesbian / R. Case, J. Article. –Pediatric Nursing [Pediatr Nurs], 1999. – Vol. 25 (5).

Н. Рапарович

Белорусский государственный университет

ИНТУИЦИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕШЕНИЯ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Как отмечает О.В. Степаносова, интуиция – «это знание, возникающее в неопределенной ситуации, субъективно воспринимаемое как догадка, предчувствие, внутреннее чутье, наличие которого осознается. Процесс возникновения интуитивной догадки не осознается и причины получения или доказательства её правильности не верифицируемы» [2, с. 134].

В процессе межличностного взаимодействия интуиция выступает как суждение о будущем поведении и дальнейшем развитии событий, а также понимается как процесс получения опережающей информации о динамических компонентах экспрессивного поведения личности непосредственно в ситуации взаимодействия.

Для решения задач эмпирического исследования, нами была выбрана методика «Интуитивные видеоклипы», автором которой является О.В. Степаносова. Данная методика позволяет изучить интуитивную составляющую процесса предвосхищений, а также определить точность вербальных прогнозов и уверенность в суждениях о будущих событиях.

В исследовании принимали участие люди, изъявившие добровольное согласие. Общее количество испытуемых – 81 человек, из которых 51 респондент женского пола и 30 мужского. Все они являются студентами высших учебных заведений города Минска.

Методика состоит из набора прогностических задач, условия которых задают возможность применения интуиции. К прогностическим задачам относятся те задачи, которые имеют своим требованием построение прогноза [1, с. 55].

Прогностические задачи, используемые в исследовании, содержат ситуации, которые могут встречаться в повседневной жизни испытуемых. В эмпирическом исследовании использовались 2 прогностические задачи: «Разрыв отношений», «Плохой водитель. Каждой задаче предназначен видеоролик, раскрывающий ее содержание, общей длительностью примерно 3 минуты, и связанный с видеороликом опросник.

Условия прогностических задач в методике «Интуитивные видеоклипы» задают применение интуиции, т.к. испытуемым предъявляется объективно неопределенная и незавершенная ситуация: возникновение конфликта или проблемы и при этом нет точного знания того, как решится данная ситуация. От участников исследования требовалось разрешить ситуацию неопределенности, сформировать прогноз о том, как в дальнейшем будут развиваться события [3, с. 98].

Для обработки результатов использовалась компьютерная программа для статистической обработки данных SPSS версии 16.0.

В результате статистической обработки и анализа данных были получены следующие результаты:

- Знакомость ситуации повышает уверенность в точности прогнозов, что подтверждает нашу гипотезу.

- При интуитивном прогнозировании действительная точность прогнозов превышает предполагаемую.

- Наличие прошлого опыта (знакомость ситуации) не способствует использованию какой-либо определенной стратегии прогнозирования, однако в большей степени стратегия анализа используется в случае знакомости ситуации, что подтверждает гипотезу о том, что специфической особенностью интуиции является то, что она не опирается на прошлый опыт при решении прогностических задач.

- При прогнозе человек опирается в большей степени либо на анализ, либо на интуицию и выбор определенной стратегии для него постоянен.

- При решении прогностических задач каждый использует и анализ, и интуицию, но при формировании прогноза большее предпочтение отдается одной из стратегий.

Несмотря на отсутствие различий по уровню сложности обеих задач, при формировании прогнозов по задаче 2 более высокая точность прогноза была у респондентов, использующих анализ, нежели интуицию. При формировании прогнозов по задаче 1 использование одной из стратегий не было более эффективной, чем использование другой. Это может быть связано с тем, что содержание задачи 1 было более эмоционально окрашено (ситуация, связанная с разрывом любовных отношений), а содержание задачи 2 носило более рациональный характер (ситуация, связанная с управлением автомобилем). Что подтверждает нашу гипотезу о том, что при решении задач эмоционального типа, испытуемые в большей степени опираются на интуицию, а в случае решения задач рационального типа предпочтение отдается применению стратегии анализа.

При формировании прогнозов нельзя сказать, что использование какой-то определенной стратегии является более эффективной. Скорей всего, для повышения точности прогноза необходимо использовать как анализ, так и интуицию.

---

1. *Регуш, Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Регуш. – СПб : Речь, 2003. – 352 с.

2. *Степаносова, О.В.* Современные представления об интуиции / О.В. Степаносова // Вопросы психологии. – 2003. – №4. – С. 133-143.

3. *Степаносова, О.В.* Интуитивные компоненты в процессе принятия решения : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.01 / О.В. Степаносова. – Москва, 2004. – 208 с.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Интерес к рассматриваемым в данной работе объектам обусловлен тем, что данные социальные пространства содержат в себе особые условия для воспроизводства белорусской идентичности. Рассматривая роль пространственных факторов в воспроизводстве двух диаспоральных вариантов белорусской идентичности, имеет смысл обратить внимание на характер распределения в физическом пространстве носителей белорусской идентичности.

Если для польского случая характерно компактное расселение (по результатам переписи 2002 г., 96,6% белорусов Польши сосредоточены в Подляшском воеводстве, а в 12 гминах доля носителей белорусской идентичности составляет более 20% (в гминах Орля и Дубиче-Церкевне – более 80%)), то в литовском случае расселение носителей белорусской идентичности носит более дисперсный характер (по результатам переписи 2001 г. максимальная доля белорусского населения была зафиксирована в г. Висагинас – 9,7%).

Подобные обстоятельства способствовали формированию специфического содержания белорусской идентичности, в частности, отношения к различным пространствам, для анализа латентных оснований которого имеет смысл прибегнуть к процедуре факторного анализа, базой расчета которого явились результаты опроса, проведенного в рамках международного проекта ENRI-East (2008-2011 гг.). Результаты факторного анализа, осуществленного на наборе переменных, относящихся к вопросу «насколько близким Вы себе считаете...», демонстрируют устойчивую структуру пространственных компонент.

В обоих случаях первая компонента включает в себя переменные, связанные с наднациональным европейским пространством. Вторая компонента соотносится с пространством принимающего государства, включая в себя переменные «населенный пункт, в котором проживаете» и «Литва/Польша». Третья компонента соотносится с государством происхождения. Групповая переменная в литовском случае оказывается включенной в компоненту, соотнесенную с пространством Беларуси, в польском случае – соотносится с локальным и общим пространством Польши. Наиболее сильная корреляционная связь характерна для переменных, относящихся к оценкам близости этнического меньшинства и локального пространства (см. Табл.1).

Таблица 1 – Матрицы повернутых компонент, полученные в результате применения факторного анализа, в значениях факторных нагрузок (не отображены факторные нагрузки < 0,5)

Белорусское меньшинство в Литве			
Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Этническое меньшинство			,816
Населенный пункт, текущего проживания		,848	
Литва		,812	
Беларусь			,836
Балтийский регион	,717		
Восточноевропейский регион	,880		
Европа	,879		

Мера выборочной адекватности
Кайзера-Мейера-Олкина = 0,781
Кумулятивный процент объясненной
дисперсии трех компонент = 73,2 %

Белорусское меньшинство в Польше			
Переменные	Компоненты		
	1	2	3
Этническое меньшинство		,804	
Населенный пункт, текущего проживания		,853	
Польша		,644	
Беларусь			,801
—			
Восточноевропейский регион	,834		
Европа	,916		

Мера выборочной адекватности
Кайзера-Мейера-Олкина = 0,683
Кумулятивный процент объясненной
дисперсии трех компонент = 81,8 %

В подляшском случае было сформировано устойчивое коммуникативное пространство, сохраняющее инструментальную роль белорусского языка, выступающего существенным идентификационным маркером. Другим существенным основанием идентификации стал конфессиональный фактор (соотнесенность подляшской белорусскости с православием на фоне традиционно католической польскости). Носители белорусской идентичности в Подляшье, таким образом, находят основания для воспроизводства белорусской идентичности в локальном intersубъективном пространстве.

Для литовского случая характерна большая «открытость» коммуникативного пространства по сравнению с подляшской группой, ограничивающей большинство контактов внутригрупповым сообществом. При этом среди носителей литовского варианта белорусской идентичности количественно доминируют мигранты, которые находят основания для воспроизводства, как правило, в практиках предшествующего пребывания в государстве происхождения, что, в свою очередь, определяет некоторые содержательные аспекты белорусской идентичности и подчеркивает множественность белорусской идентичности. Если литовский вариант более близок и соотносим с метропольной белорусскостью, то в польском случае, он скорее может быть обозначен как «подляшский», так как находит основания для собственного воспроизводства в локальных пространствах данного региона.

А. Роговцова

Белорусский государственный университет

АНАЛИЗ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ СЦЕНЫ МАНЧЕСТЕРА В 80-Х ГОДАХ 20 ВЕКА

Период безумств в Манчестере, начавшийся с 1980 и закончившийся в 1990х очень верно получило название Мэдчестер (от англ. mad – безумие и Manchester). Мэдчестер принято выделять как отдельный музыкальный жанр. Однако, такое представление данного феномена является слишком узким. В широком смысле Мэдчестер – это период развития альтернативной музыки находящийся между достаточно депрессивным, но экспрессивным пост – панком конец 70х начала 80х и брит – попом 90х. Не смотря на то, что мэдчестер как явление зарождается в достаточно узких локальных рамках, его влияние оказалось очень широким и затронуло не только британскую альтернативную музыку, но и европейскую и американскую альтернативную сцену.

Говорить о предпосылках возникновения мэдчестера достаточно сложно. Данный феномен является результатом определенного ряда событий начиная с 60х годов, когда возникает рок-музыка и зарождается альтернатива. Начало эпохи Мэдчестера связывается с 1976 годом. Это год первого концерта Sex Pistols. С этого момента начинает зарождаться PUNK. Движение приобретает политизированную форму и к 1977 году становится самым знаменитым музыкальным явлением в Великобритании, постепенно приобретая статус субкультуры. С этого момента в Манчестере начинают концентрироваться различные андеграундные движения.

Одним из тех, кто оказал значительное влияние на формирование феномена мэдчестера, является человек по имени Тони Уилсон. Являясь радио и телеведущим, Уилсон параллельно занимался продвижением манчестерской альтернативной музыки. Благодаря ему получили известность такие группы как Joy Division, New Order и The Happy Mondays. Уилсона не зря называют Mr Manchester. Можно сказать, что именно

благодаря ему манчестерское безумие смогло вырваться далеко за пределы самого Манчестера и даже за пределы Великобритании. Уилсон является одним из пяти основателей Factory Records – независимой звукозаписывающей компании. Именно Factory Records занималась звукозаписью манчестерской альтернативной музыки. Изначально лейбл появился для продвижения группы Joy Division, но со временем к нему перешли и другие (например New Order и The Happy Mondays). Не смотря на то, что Factory Records в конце концов разорились, лейбл до сих пор считается символом независимой музыкальной индустрии.

Следующим детищем Уилсона является знаменитый ночной клуб Hacienda. Открытая на деньги Factory Records, Hacienda стала эпицентром манчестерского безумия. С открытием клуба в Манчестере начинают собираться самые передовые исполнители альтернативной музыки. Любое новое звучание, новый стиль становится известен широкой публике благодаря Hacienda. Hacienda была открыта Фактори рекорд в 1982 году. С этого момента манчестерская альтернатива получает наибольшее распространение как в самой Британии так и за рубежом. Именно благодаря Hacienda получает совою известность британская электронная и танцевальная музыка. Однако, не смотря на то, что в Hacienda выступали самые известные и передовые, на тот период времени, исполнители, клуб приносил одни убытки и в 1997 году был закрыт.

Свобода и независимость были основой того безумного времени. Благодаря деятельности Hacienda Factory Records весь мир узнал, что творилось в то время в Манчестере. Мэдчестер – это период по настоящему независимой альтернативной музыки. Это время, когда желание играть, желание создать что то новое, найти собственное звучание было гораздо важнее чем вкусы и интересы большинства. Даже деятельность Factory Records может служить хорошим примером той свободы, что царила в Манчестере с 1976 по 1992 год. Известно, что лейбл не заключил с музыкантами ни одного официального договора, что давала полную свободу творчества.

Не смотря на то, что эпоха мэдчестера уже закончилось, сложно переоценить то влияние, которое оказал этот период времени на развитие альтернативных жанров музыки. В это время появились таки знаменитые группы как Happy Mondays, The Stone Roses, 808 State и др.

Мэдчестер – это не только музыкальное, но и культурное движение. Можно назвать этот период временем настоящей альтернативной культуры, когда «желание играть было важнее, чем умение это делать». Это время является образцом творческой свободы личности. Можно сказать, что происходит индивидуализация культуры. Отголоски того независимого и свободного времени находят отражение и в современной альтернативной культуре. Но на данный момент даже то, что принято считать независимой музыкой, становится объектом коммерции. Конечно, подобная тенденция касается не только области музыки, но и современного искусства в целом. Однако, возвращаясь к примеру мэдчестера, можно с уверенностью сказать, что независимость в искусстве будет присутствовать всегда. Не смотря на то, что большинство людей стремятся угодить желаниям толпы, всегда будут те, кто ищет свой собственный способ самовыражения, без оглядки на мнение общества.

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЖДИЗМА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Политический вождизм – это тип властных отношений, основанный на личной преданности индивиду, обладающему верховной властью. Макс Вебер характеризует его как «авторитет внеобыденного личного дара (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других» [1, с. 646]. Как тип власти, вождизм характерен для тоталитарных государств, в которых право, экономика и культура подчинены идеологии, требующей обязательного участия всего населения в деятельности, направленной на достижение неких «конечных целей», стоящих перед обществом. В данной политической ситуации общество идентифицируется с государством, политика – с идеологией, воля и мнение вождя – с волей и мнением народа; иными словами происходит радикальная трансформация общества и государства в массу. Восприятие политической действительности электоратом становится иррациональным, отношения между вождем и обществом утрачивают разумные основания. Таким образом, имеет смысл использовать психоаналитическую интерпретацию феномена политического вождизма.

Для объяснения феномена политического вождизма с позиции психоанализа, согласно Карлу Густаву Юнгу, прежде всего «необходимо понять, что такое бессознательное. Это часть нашей ментальной структуры, которая контролируется нами в незначительной степени и в которой откладываются всякого рода впечатления и ощущения, включая сюда мысли и даже заключения, которых мы не осознаем» [3]. Таким образом, учитывая факт наличия бессознательного в структуре человеческой психики, возможно объяснение иррационального подчинения индивидов вождю.

Анализируя учение Зигмунда Фрейда о проявлении бессознательного в социальных массах, можно приравнять граждан тоталитарных государств к искусственной массе, так как средствами единой идеологии, тотального контроля и равной беспомощности людей перед государством создается аналогичная ситуация с церковью и войском [2, с. 38]. Как правило, никого не спрашивают или никому не предоставляют выбора, хочет ли он быть членом такой массы или нет; попытка выхода обычно преследуется или строго наказывается, или же выход связан с совершенно определенными условиями [2, с. 39]. В массе всячески нивелируется человеческая индивидуальность, а следовательно и самостоятельность, что ведет к тому, что индивиды становятся инфантильными и беспомощными, поэтому и нуждаются в защите. В качестве этой защиты выступает иллюзия того, что «имеется верховный властитель (...), каждого отдельного члена массы любящий равной любовью» [2, с. 39]. В условиях политического вождизма эту иллюзию культивирует и поддерживает официальная пропаганда. В ней восхваляются подвиги вождя, в сознание людей «вбиваются» догмы, которые нельзя критиковать.

Следуя далее логике учения Зигмунда Фрейда, в ситуации политического вождизма происходит психологический регресс на стадию детства. Массовый индивид отождествляет себя с другими массовыми индивидами и проецирует на вождя свое «Сверх-Я». Таким образом, для социальной массы вождь выступает в роли символического отца, в котором индивиды ищут защиты, заботы, любви и т.д., но при этом принимают авторитет и власть без сомнения; иными словами, сильная власть делает индивидов слабыми, они ищут «отца» и получают его в виде вождя. Отсюда культ личности, который поддерживает тоталитарное государство и укрепляет власть в нем.

Также имеет место аналогия ситуации политического вождизма с ситуацией в примитивном обществе. Согласно Карлу Густаву Юнгу, «существовали два типа сильных людей в примитивном обществе. Один из них вождь, физически более мощный и сильный, чем все его соперники, другой – шаман, сильный не сам по себе, а в силу власти, спроецированной на него людьми» [3]. В ситуации политического вождизма эти два типа людей могут как пересекаться между собой, то есть, личность вождя может содержать в себе как черты императора, так и черты шамана, так и оставаться в «чистом» виде.

Политический вождизм существует как бесконтрольное и тотальное господство над всеми сферами человеческой деятельности и опирается на безоговорочный пиетет граждан перед властью и безоговорочное согласие с жесткой регламентированностью частной жизни. Иррациональная вера в безграничные возможности вождя, в то, что он заботится обо всех индивидах в массе, в то, что от индивида ничего не требуется, а требуется лишь подчиняться воле вождя, и «золотые» времена наступят сами собой, приводит к массовому одобрению личности вождя и, соответственно, к делегированию ему еще больших полномочий.

1. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М., 1990. – С. 644-706.
2. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» // Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я». – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – С. 5-108.
3. Юнг, К.Г. Диагностируя диктаторов [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://jungland.ru/node/1291> . – Дата доступа: 06. 04. 2013.

К. Сахнюк

Белорусский государственный университет

ТРАДИЦИОНЕН ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ?

С древних времен культурная традиция Китая выступала в качестве важнейшего механизма интеграции китайского общества и стабилизации проводимых в нем реформ. Можно ли в современную динамичную эпоху говорить о радикальных изменениях отношения китайцев к собственному культурно-историческому наследию? Изменяются ли традиционные ценности Китая под влиянием цивилизации Запада?

Распад СССР и крах социалистических режимов странах Восточной Европы радикально перекроили политическую карту мира, изменив статус многих стран, прошедших трудный путь национально-государственного самоопределения. В это же время КНР не только не потеряла своих позиций на мировой арене, но даже укрепила их. Что же позволило Китаю уверенно пережить одну из крупнейших трагедий недавней истории? Найти ответ помогает обращение к учениям философов Древнего Китая, а именно – к доктрине Конфуция и выделенных им традиционным духовным ценностям. Именно они, являющиеся общезначимыми для всех китайцев, составляющих, по Конфуцию одну «большую семью», позволили минимизировать последствия общественных противоречий.

Следует отметить, что в период господства идеологии маоизма, а затем «культурной революции», конфуцианство игнорировалось как составной элемент китайской культуры, более того, объявлялась тормозом социального развития Китая. Начало стратегии модернизации Китая, положенной экономическими реформами и политикой Дэн Сяопина было ознаменовано возрождением интереса к культурным традициям как условию строительства стабильного общества. В это время оформляется философско-идеологическое течение «неоконфуцианства», сторонники которого говорят о

практической значимости духовных ценностей в качестве стимула обновления китайского общества.

Их позиция состоит в том, что в условиях глобализации стабильное развитие страны напрямую зависит от того, насколько велика роль в социуме нравственных ценностей, насколько общество обладает прочным социально-культурным базисом и насколько жизнеспособны его традиции. По мнению ведущих китайских обществоведов, противопоставлять процесс модернизации и традиционную культуру нельзя, поскольку любая модернизация начинается с традиционной культуры. По их образному сравнению, отрицать это равносильно тому, как если бы у дерева не было бы корней, а у рек не было бы источника.

В центре внимания «нового конфуцианства» стоит проблема трансформации китайской традиции для включения ее в дискурс западной культуры. Пытаясь решить эту проблему, руководители Китая идут на создание условий открытости китайской социальной, культурной, политической, экономической жизни. Проводимый Китаем курс «открытости окружающему миру» создал предпосылки для усвоения достижений западной культуры. Однако это не ведет к утрате национальных традиций самого Китая, так как в сознании китайцев закреплена идея о приобщенности к своей культуре, причем эта идея поддерживается и неоконфуцианством. В отличие от своих предшественников, сторонники этого направления, усматривают наличие в китайской цивилизации элементов, которые есть в западной культуре, хотя и будучи выражены в иной форме.

Обратим внимание также на то, что в современной китайской культуре вновь приобретают актуальность ценности гармонии, мира, труда, семьи, знаний, жизни. Эти возрожденные традиционные ценности древности позволяют Китаю не теряться в перерождениях истории, а лучше ориентироваться в новых реалиях. Иллюстрацией сказанного является ставшая популярной в политической и культурной элите концепция «строительства гармоничной китайской культуры», «гармоничного китайского общества» и «гармоничного мира». В ней речь идет о том, что традиционная китайская культура относится к «культуре гармонии», что ей присуще единство природы и человека, уважение принципов взаимоотношений простых людей. Реализация этих принципов призвана способствовать сохранению духовных основ китайского общества.

Взяв за основу политики модернизации общества и социального управления учет местных нравственных, религиозных, культурно-исторических обычаев, а также особенностей образа жизни и отказываясь от подражания чужому опыту, Китай следует глубоко укоренившимся традициям. И, как мы видим, даже идеология современного китайского государства переплетается с мудростью предков.

Таким образом, китайское общество, сталкиваясь с воздействиями культуры Запада, вырабатывало навыки ассимиляции включаемых в нее инокультурных компонентов. В итоге укреплялось ядро китайской самобытной традиции, включающее добродетели ритуала «ли», доверия «синь», согласия и терпения «жэнь», уважения «чжун», ценности гармонии и единения. Это традиционное ядро культуры сохраняется и сегодня, и именно эта устойчивость позволила Китаю в современных сложных и неоднозначных условиях сохранить его самобытность.

Время покажет, насколько успешной и перспективной окажется практика возрождения традиционных духовных ценностей и идеалов и их роль в модернизации. Но уже сейчас можно без преувеличения сказать, что, опираясь на национальный и духовный потенциал своей культуры и используя зарубежный опыт, реформирование современного китайского общества в условиях мировой глобализации способствует успешному развитию Китая при одновременном сохранении его национального своеобразия, традиций и успешной интеграции в мировое сообщество.

КРИЗИС КОНЦЕПЦИИ ДИССОЦИАЛЬНОГО РАССТРОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Первые попытки выделения феномена диссоциального расстройства личности (далее – ДРЛ) из общей массы других психопатологических расстройств были предприняты еще в первой половине XIX в. За это время произошли значительные изменения в научном понимании сущности и основных проявлений ДРЛ, понятийном аппарате, используемом для его описания и разграничения с иными психическими расстройствами. Несмотря на это вопросы о патопсихологической структуре ДРЛ, единстве данного клинического феномена и реальности его существования в качестве самостоятельной нозологической единицы сохраняют открытый и дискуссионный характер до настоящего момента.

Весь 177 летний период развития представлений о ДРЛ можно условно разделить на три основных этапа: донозологический, нозологический (национальный) и нозологический (международный).

Основной чертой донозологического этапа структурирования феномена ДРЛ являлось выделение его прототипических форм. Главная функция прототипических форм заключалась в отграничении группы психопатологических состояний, лишенных нозологического единства, но обладающих сходством патопсихологических проявлений. Одним из ярких прототипов ДРЛ может служить психопатологическое состояние «moral insanity», описанное в 1835 г. английским психиатром J. Prichard [1]. Таким образом, выделение прототипов ДРЛ создало предпосылки для последующей дифференциации специфических нозологических форм данного психического расстройства.

Второй этап развития научных представлений о ДРЛ был связан с появлением на рубеже XIX-XX вв. первых национальных классификаций психических расстройств. В этот период в работах известных зарубежных и отечественных психиатров Е. Краепелин, С. Lombroso, С.С. Корсакова и др. под различными названиями были выделены и описаны национальные нозологические формы ДРЛ [2, 3, 4]. Однако это привело лишь к еще большей путанице в понимании сущности и облигатных признаков ДРЛ. Примечательной особенностью нозологического (национального) этапа развития концепции ДРЛ стало выделение криминальности в качестве одного из облигатных патопсихологических свойств в структуре этого психического расстройства.

Следующий этап в развитии концепции ДРЛ был связан с появлением во второй половине XX в. американской (DSM) и международной (МКБ) классификаций психических расстройств. Главной чертой этого этапа являлась унификация и стандартизация диагностических проявлений ДРЛ. Алгоритм постановки диагноза ДРЛ имплицитно выражают континуальный подход к его пониманию и возможность существования разновидностей ДРЛ. Понятия «психопатия» и «социопатия» в обеих классификациях рассматриваются в качестве синонимов ДРЛ.

В настоящее время развитие концепции ДРЛ происходит не только в контексте DSM и МКБ, но и в рамках классического, психодинамического, когнитивного, эволюционного, психофизиологического, правового, континуального и нигилистического подходов. При этом наблюдается одновременное использование старых и новых терминов для подчеркивания смысловых оттенков феномена ДРЛ, что, в конечном счете, вносит еще большую путаницу в вопрос о границах и основных патопсихологических проявлениях данного психического расстройства. В рамках правового и нигилистического подходов, в полной мере выражающих современный кризис концепции ДРЛ, данный феномен рассматривается в качестве правовой абстракции и псевдонозологической единицы.

Таким образом, процесс эволюции научных представлений о феномене ДРЛ от прототипических форм до отвечающей международным стандартам диагностики нозологической единицы в настоящее время переживает новый кризис, обусловленный искусственной стандартизацией и необходимостью использования устаревших понятий для сохранения значимых смысловых оттенков. Несмотря на определенные смысловые коннотации, термины «психопатия», «социопатия», «антисоциальное расстройство личности» и «диссоциальное расстройство личности» выступают в качестве синонимичных понятий, используемых при описании одного и того же психопатологического явления.

1. *Смулевич, А.Б.* Расстройства личности / А.Б. Смулевич. – М.: ООО Медицинское информационное агентство, 2007. – 192 с.
2. *Голубева, Н.И.* Диссоциальное расстройство личности: история и современные представления (краткий обзор) / Н.И. Голубева, С.Ю. Голубев // Вестн. БПА. – 2004. – № 1. – С. 64–71
3. *Кербиков, О.В.* Избранные труды / Кербиков О.В. – М.: Медицина, 1971. – 312 с.
4. *Cleckley, H.M.* The Mask of Sanity / H.M. Cleckley. – St. Louis: C.V. Mosby Co., 1976. – 469 p.

Д. Сидоренко

Белорусский государственный университет

ФЕНОМЕН КОНТРКУЛЬТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20 СТОЛЕТИЯ

В широком смысле понятие «контркультура» обозначает комплекс социально-культурных установок, ориентации и ценностей, оппозиционных господствующей культуре. Но в 60-70-х контркультура получила специфическую трактовку – наименования идеологии «мятежных» социальных групп: слоев студенчества, хиппи и членов разного рода «коммун». Наиболее вульгарные проявления контркультуры выглядели как отрицание культуры – она отразила стихийный бунт против ценностей и ориентации массового общества и массовой культуры

Контркультура заострена против идеалов, социального благополучия, накопительства, жизненного успеха и социального конформизма.

Целью контркультуры является создание «нерепрессивного» общества, которое могло бы открыть возможность спонтанной реализации перед человеком, установление подлинных, свободных от диктата внешней необходимости и меркантильного интереса отношений с другими людьми и природой. Природа для контркультуры является сакральным началом и источником пустоты. Она противопоставляется индустриальной пустоши как воплощения искусственности и репрессивности

Формирование свободного общества связывается в первую очередь со становлением «новой чувственности» – высвобождение подсознательных сил и влечений, развитие внутреннего опыта и религиозное обновлением, трактуемое в мистическом смысле.

С другой стороны наиболее простыми и популярными средствами достижения данной цели являлись употребление наркотиков, религиозный экстаз, неформальные отношения между людьми, объединенными в небольшие социальные группы – коммун. Контркультура явилась извращенной формой выражения реальных тенденций к формированию анти-культурных ценностей, имеет эзотерический характер и не имеет в своем основании реальной практической альтернативы господства доминирующей культуры и то, чем поколение молодых революционеров пыталось бороться с несправедливостью, стало орудием господствующего класса

Бурные 1960-е годы, когда в странах Европы и Америки вспыхнули бунты молодежи, исполненной решимости взорвать устоявшиеся порядки общества. Молодежное

движение не имело ни теории, ни цели – его объединяло всеобщее отрицание. Не успев накопить опыта и знаний, не обремененные чувством ответственности, молодые люди готовы были выбросить за борт всю прошлую культуру. Анархический бунт без ясной цели, отрицание всего без четкой идейной программы.

Вскоре проявление бунта становится обязательным элементом социализации любого подростка – своеобразной игрой со своими правилами и определенными символическими атрибутами

То, чем контркультура пытается бороться с господствующей культурой, то, чем революционеры пытались разрушить устоявшиеся устои становится товаром. Тем самым, революция становится контролируемой, теряя свой первоначальный смысл. Самый яркий пример этого – популярный образ кубинского революционера Эрнесто «Че» Гевары, майку с изображением которого обязан иметь каждый начинающий мятежник. Вот только деньги от использования данного образа вряд ли идут на борьбу с западным технократическим репрессивным обществом

Все, что задумывается как возможность изменить мир продается и передается забвению, так как для потребителя имеет ценность лишь то, что является новинкой. А особенность новинки является то, что она очень недолго остается таковой

Таким образом, культура и общество XX века выработала инструмент подавления самой себя, так как любое явление, не вписывающееся в господствующую парадигмальную установку культуры, подавляется как открытыми, так и скрытыми средствами, исключая возможность качественного изменения культуры и человеческого сознания в целом. Общество, главная потребность которого заключается в моментальном получении результата, и которое обеспечивается иллюзией исполнения данной потребности, теряет свою внутреннюю и внешнюю силу. Бунт продается, а революции из сознания людей и баррикад перешли на бескрайние контролируемые просторы информационного пространства.

К. Синкевич

Белорусский государственный университет

ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПЕРИОД СРЕДНЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

В современном обществе на первое место выступает проблема социальной ценности человека, при этом благополучие является одним из важных условий повышения качества жизни. Не случайно понятие благополучия взято Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в качестве основы для определения здоровья. Здоровье рассматривается ВОЗ как состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов [1].

Понятие «субъективное благополучие» ввел Э. Динер, исследователь определяет его как интегральное психологическое образование, включающее оценку и отношение человека к своей жизни и самому себе [2]. Выделяют следующие факторы субъективного благополучия: материальный, личностный, социальный, профессиональный, физический и психологический.

Одним из направлений исследования благополучия, является изучение проблемы самореализации личности. Основоположителем этого подхода является К. Рифф. Она разработала многомерную модель психологического благополучия личности. К. Рифф описывает благополучие как стремление к совершенствованию, которое представляет собой реализацию потенциала человека. Она вводит шесть психологических компонентов

субъективного благополучия: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост [3].

Наше эмпирическое исследование было посвящено выявлению структуры субъективного благополучия в период средней зрелости. Инструментом для анализа качества жизни респондентов являлась специально разработанная анкета. Благополучие изучалось с помощью адаптированного варианта опросника «Шкала психологического благополучия К. Рифф». В исследовании приняли участие 77 респондентов в возрасте от 40 до 60 лет.

Были получены следующие результаты. Респонденты высоко оценивают свои взаимоотношения с близкими людьми, условия проживания, здоровье и настроение. Среди психологических факторов субъективного благополучия высокие позиции занимают автономия, личностный рост и самопринятие.

Такой аспект психологического благополучия, как самопринятие положительно коррелирует с наиболее значимыми факторами субъективного благополучия. Можно предположить, что средний возраст является периодом, когда люди критически анализируют и оценивают свою жизнь и, как следствие, значимой становится оценка прошлого, отношение к самому себе, что и является смысловым наполнением категории «самопринятие», соответственно, многие из аспектов субъективного благополучия начинают рассматриваться с этой точки зрения.

Настроение положительно коррелирует со всеми факторами психологического благополучия. Наиболее сильная корреляция наблюдается между общим уровнем благополучия и настроением ($r=0,483$, $p\leq 0,01$), что подтверждает наше предположение о том, что эмоциональное состояние тесно взаимосвязано с уровнем благополучия. На втором месте находится взаимосвязь благополучия и материального достатка ($r=0,302$, $p\leq 0,01$).

Возраст коррелирует с психологическими факторами субъективного благополучия, данная взаимосвязь является обратной отрицательной. Наиболее сильные связи между возрастом и психологическим благополучием были обнаружены с такими факторами, как личностный рост ($r=-0,381$, $p\leq 0,01$) и положительные отношения с другими ($r=-0,296$, $p\leq 0,01$).

Оценки факторов психологического благополучия в период средней зрелости имеют тенденцию к снижению, что может быть связано с переосмыслением, критическим анализом жизни, достижений, отношения к себе, характерное для данного этапа жизни человека.

Таким образом, наиболее значимыми факторами субъективного благополучия для периода средней зрелости являются материальный, социальный, физический и психологический факторы.

---

1. Справочник базовой информации ВОЗ по психическому здоровью, правам человека и законодательству / Всемирная организация здравоохранения ; сост. М. Фримен. – М., 2005. – 199 с.

2. *Diener, E.* Subjective well-being is essential to well-being / E. Diener [et al] // *Psychological Inquiry*. – 1998. – Vol. 9, №9. – P. 33-37.

3. *Ryff, C.D.* The structure of psychological well-being revisited / C.D. Ryff [et al.] // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1995. – Vol. 69, №9. – P. 719-727.

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К КРОВНЫМ И ПРИЕМНЫМ ДЕТЯМ

Проблема сиротства одна из важнейших. В настоящее время, для решения этой проблемы, все большую популярность приобретает институт приемной семьи. Родительское отношение лежит в основе успешности функционирования приемной семьи.

Анализ литературы позволяет описать отношение родителей к приемным детям как характеризующееся симбиотическим характером, тенденцией к более частым наказаниям, гиперпротекцией. [1] Существует и ряд причин, обуславливающих такое отношение: специфика деятельности и обязанностей приемного родителя, мотивация стать приемным родителем, физическое и психологическое состояние приемных детей, а также общественное мнение. [2; 3; 4; 5]

В ходе нашего исследования, было обнаружено, что в группах родителей, имеющих приемных детей была более выражена тенденция отвержения ребенка (родители склонны больше испытывать раздражение, злость, досаду, ненависть, нежели принимать ребенка таким, какой он есть, уважать и признавать его индивидуальность, одобрять его интересы).

Согласно полученным данным, родители, имеющие приемных детей (независимо от наличия или отсутствия в семье кровных детей) продемонстрировали более выраженную тенденцию к кооперации, сотрудничеству с ребенком, проявлению искренней заинтересованности и участия в его делах, поощрению самостоятельности и инициативы ребенка. Такая тенденция может свидетельствовать об ответственности приемного родителя, поскольку он находится в статусе педагога, и воспитание ребенка – это основной вид его деятельности.

В то время как в исследовании А.С. Спиваковской было обнаружено, что для приемных родителей воспитание является основной деятельностью, посредством которой реализуется их смысл жизни; они посвящают себя заботе о приемных детях, что зачастую приводит к созданию излишне близкой личностной дистанции с ребенком и симбиозу; то мы можем конкретизировать этот вывод тем, что такая тенденция характерна лишь для тех приемных родителей, которые не имеют собственных, кровных детей. [1] В основании симбиотического отношения приемных родителей могут лежать и мотивы, которыми руководствуются родители, когда принимают решение взять ребенка. Поэтому, можно сделать предположение, что причиной выявленного в нашем исследовании симбиотического взаимодействия родителей с приемными детьми может служить замещающая роль приемного ребенка, так как именно в этих семьях нет кровных детей. Было также обнаружено, что родители, имеющие кровных детей и берущие на воспитание приемных, демонстрируют самопожертвование в отличие как от родителей, имеющих только приемных детей, так и от родителей, имеющих только кровных детей. Это может быть связано с тем, что родители уже имеющие своих детей могут взять детей на воспитание исходя из потребности в самореализации или альтруизма. [6; 7]

Было выявлено, что кровные родители более авторитарны в отношении своих детей, чем приемные. Мы можем предположить, что это обстоятельство обусловлено спецификой личности приемных детей, адекватная адаптация которых в условиях семьи может происходить лишь при условии определенной доли свободы.

Приемные родители продемонстрировали значимо большую зависимость от семьи и концентрацию на ребенке по сравнению с кровными родителями. Причиной этому может послужить ряд обстоятельств: во-первых, приемный родитель – это профессиональная деятельность, которая предполагает выполнение должностных обязанностей, а в данном случае, выполнение обязанностей тесно связано с семьей работника. Во-вторых, частично

в связи со своей должностью приемного родителя, а частично неся социальную ответственность, приемный родитель становится зависим от благополучия приемного ребенка, которого он взял на воспитание.

Был обнаружен более низкий уровень вербализации в отношении приемных родителей к детям, кроме того эти родители склонны гораздо чаще уходить от решения конфликтов, по сравнению с кровными. При том, что факт создания приемной семьи может быть детерминантом либо следствием повышения конфликтности в семье. [8; 9] Все приемные родители показали большую тенденцию к подавлению агрессивности.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что родители склонны удерживать эмоциональную дистанцию с приемным ребенком, однако наряду с этим они демонстрируют более выраженную тенденцию к кооперации с ним, в большей степени сконцентрированы на ребенке и семье по сравнению с кровными родителями. Также приемные родители переживают более высокий уровень конфликтов в семье.

1. *Спиваковская, А.С.* Психологическая помощь семьям, взявшим на воспитание детей из государственных учреждений // Особенности развития личности ребенка, лишенного родительского попечительства. Дети с отклоняющимся поведением/ Под ред. В.С.Мухиной. М., 1989., с.134—142
2. *Смагина, Л.И.* Сиротство как социальная проблема/ Л.И. Смагина, А.К. Воднева, Ю.А. Сойка, и др./: под ред Л.И. Смагиной. – Мн.: Універсітэцкае., 1999. 144 с.
3. *Петрановская, Л.В.* Семейное устройство детей-сирот и стереотипы общественного сознания [Электронный ресурс] // Сборник конференции «Родительство в зеркале СМИ». Режим доступа <http://www.psypress.ru/articles/d17354.shtml>. Дата доступа: 18.03.2011.
4. *Лупекина, Е.А.* Психология сиротства: тексты лекций по дисциплине по выбору для студентов специальности 1-23 01 04 «Психология»/ М-во образования РБ, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 2009., 151с.
5. *Поспелова, Н.С., Дмитриева, О.А., Головнева, О.С.* Порядок отбора кандидатов в приемные родители, родители-воспитатели и сопровождения приемных семей и детских домов семейного типа / Мн.: ЮНИСЕФ., 2010., 114с.
6. *Печникова, Л.С., Жуйкова, Е.Б.* Приемные семьи в пространстве детско-родительских отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. научн.журн., 2008. №2(2). Режим доступа: <http://psystudy.ru>. Дата дотсупа: 15.02.2011.
7. *Dando, I., & Minty, B.* What makes good foster parents? British Journal of Social Work. 17. 1987. P.383–400
8. *Poland, D. C., Groze, V.* Effects of foster care placement on biological children in the home. // Child and Adolescent Social Work Journal. №10.1993. P.153–164.
9. *Ослон, В.Н.* Замещающая профессиональная семья как одна из моделей решения проблемы сиротства в России // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 79–90.

А. Сосницкий

Белорусский государственный университет

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ТОВАРА

В условиях всеобщей информатизации и становления новых медиа, фирмы, продвигая свою продукцию и услуги, борются за каждого потенциального потребителя. Компаний-конкурентов становится больше, товары и услуги дифференцируются, и всё труднее найти подход к своей целевой аудитории. Теоретики и практики маркетинга пытаются искать новые способы продвижения, одним из которых стала геймификация (игрофикация).

Геймификация представляет собой использование игровых элементов и приемов дизайна игр в неигровом контексте. Существует два больших направления в

геймификации: использование игровых элементов и приёмов в контексте сайта, а также в контексте непосредственно продукции. И наиболее изученным и распространенным является геймификация в контексте сайтов компаний.

Примерами геймификации в контексте сайтов являются проект «forsquare», проект «Пряники», проект «Лингва Лео», проект «Зомбиран», модуль «Ribbon Hero 2», а также распространенные системы бейджей, очков и аватаров на различных форумах и сайтах компаний. На данный момент можно выделить следующие наиболее популярные элементы геймификации на сайтах компаний: очки, бейджи, награды, прогресс-бары, уровни, аватары, квесты, лидерборды, и т. п.

Примерами геймификации в контексте продукции являются интерактивные модели мусорных ящиков, лифтов, лестниц, а также наличие игрушек в упаковках с кукурузными палочками либо прочее использование игровых аспектов, например, на промоакциях.

Геймификация способствует интерактивной коммуникации с потребителями, а также предусматривает обратную связь. Геймификация – это отличный инструмент для мотивации пользователя, для привлечения его внимания. Также важным достоинством геймификации является необычный, креативный и качественно новый способ продвижения товара. Использование игровых элементов и техник способствует также превращению обычного продукта в оригинальный.

Однако если бы все ограничивалось встраиванием игровых элементов, игрофикация не рассматривалась бы в качестве инструмента маркетинговых коммуникаций. Бесспорно, игровые элементы это не самая важная составляющая геймификации. Важно не только придумать игровые элементы, но и выстроить их в предельно чёткую и понятную систему. Показательным результатом использования геймификации являются такая система, когда каждый игровой элемент в системе был на своём месте, чтобы, когда каждый элемент не существует обособленно от других элементов, на находится в постоянном взаимодействии с ними. Для того, чтобы умело использовать геймификацию, разработчики и креативщики должны мыслить как профессиональные дизайнеры игр.

В то же время нужно не просто создать псевдоигровую ситуацию в неигровом контексте, необходимо ещё и вовлечь в эту игру пользователей. Для вовлечения необходимо создать конкурентную среду – если людям надо соревноваться, они используют систему активнее. Однако процесс соревнования не должен мешать пользователям. Для реализации правильной игрофикации необходимо выполнение следующих условий:

- победа должна быть достижимой;
- у соревнований должны быть простые и понятные правила;
- правила должны быть прозрачны и не слишком жестки.

Игра должна доставлять удовольствие. Для этого нужно использовать игровые механики, которых существует несколько видов. Например:

- постепенная подача информации;
- внедрение «сдерживающих факторов» или системы штрафов.

В любом случае, важно не забыть, зачем вообще все это делается, иначе велик риск в конечном итоге сделать игру, а не внедрить игрофикацию в реальный проект для решения какой-либо задачи.

В заключение хотелось бы сказать о некоторых недостатках геймификации как инструмента вовлечения и продвижения.

Во-первых, эффективность данного метода сложно просчитать, а также отсутствуют исследования, подтверждающие эффективность геймификации на конкретных примерах.

Во-вторых, игрофикация может служить и как средство обмана потенциальной аудитории: под видом улучшения сервиса или услуги потребителям предлагают ничего не дающие и «не работающие» бейджи и очки.

В-третьих, спорным является вообще факт существования геймификации как самостоятельного явления в маркетинговых коммуникациях. При детальном изучении вопроса приходит понимание, что мы имеем дело лишь с обычным проектированием взаимодействия и использованием общеизвестных психологических принципов мотивации (достижение, признание, новизна). В цифровой отрасли игровая индустрия освоила эти принципы раньше других, но от этого ведь они не становятся игровыми.

О. Стриго

Белорусский государственный университет

СТУДЕНЧЕСТВО КАК СУБЪЕКТ МОДНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Студенчество является социальной группой, наиболее остро реагирующей на перемены, происходящие в современном трансформирующемся обществе. Сегодняшняя молодежь участвует в модернизации страны, в проведении реформ, а постоянно меняющиеся условия жизни вынуждают молодых людей приспосабливаться к новым реалиям, вести постоянный поиск новых форм идентичности, вырабатывать свою жизненную позицию.

Ориентация молодежи на внешние формы идентификации, заставляет ее использовать, в условиях турбулентного общества, возможности моды как интегратора поведения социальных групп.

Как фактор ценностной ориентации, мода влияет на поведение студенчества (политическое, экономическое, религиозное, в сфере повседневной жизни и т.д.), на формирование структуры потребностей и системы ценностей. В области моды вырабатываются и модифицируются стандарты поведения молодого человека и социальные образы вещей. Влияние моды на идентификационные процессы студенчества как социальной группы реализуется при помощи социальных функций моды, которые в совокупности детерминируют ее ролевое участие в интеграционных процессах студенчества.

Многие исследования проблем молодежи указывают на то, что сегодня «культ моды, вещизма, потребления овладевает сознанием и приобретает универсальный характер, что сказывается на стремлении большей части молодежи ориентироваться на внешние признаки принадлежности к той или иной группе». [1, с. 138] И именно мода, модные течения, стили, модные вещи и направления, модные стандарты поведения позволяют реализовать этой потребности.

Прежде всего, студенчество как субъект модного поведения – это группа (общность), которая «осознает модные новинки, их социальную и личностную значимость» [4], переживает по «этому поводу определенные эмоции, которые регулируют» [4] его поведение, «приводят к отказу от диктата прежней моды» [4].

Как субъект модного поведения студенчество относится к «потребителям моды».

Сегодня в студенческой среде все, начиная от выбора вуза и заканчивая выбором личного окружения и употреблением тех или иных слов, в той или иной степени подвержено влиянию моды. В сознании студента мода представлена в виде ценности – цели, которая определяет характер жизнедеятельности человека как в плане взаимодействия его с предметным миром, так и в плане взаимодействия с социальной средой и самим собой.

Модное поведение студенчества особенно явно проявляется в мегаполисах, поскольку именно в них концентрируется огромное количество культурных образцов в любой сфере деятельности. Данное обстоятельство обуславливает, тем самым, выбор

альтернатив, что создает необходимое условие функционирования моды – избыточность поступающих в сферу модной коммуникации культурных образцов.

Активное участие студенчества в моде отчасти объясняется ее социализирующей функцией, т.е. приобщением индивида к социальному и культурному опыту.

Интерес к моде у студентов есть поиск своей идентичности. Важно не только содержание собственно модных стандартов, но и сам факт следования неким нормативным образцам, участие в социальной жизни как таковой.

Ориентация в модном поведении обязательно включает в себя мотивы следования моде. Следуя моде, молодой человек способствует символизации, формированию, укреплению своего «Я», своей личностной идентичности, самосознания, причем преимущественно в демонстративных и игровых формах.

В качестве основного мотива следования моды студенчество опирается на подражание своей референтной группе. Поэтому мода является одним из основных средств для студента, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к своей социальной группе и в то же время выделить себя из однородной группы как индивидуальность.

В мотивационном механизме следования моды возникает процесс сложного взаимодействия на двух уровнях одновременно: с одной стороны, между бескорыстными и эгоистическими элементами мотивации каждого конкретного студента, с другой – между разными студентами.

В студенческой среде статус молодого человека определяется как в соответствии с достижениями и способностями, гарантирующими успех в выполнении специализированной функции накопления знаний или группы функций, так и возможностями приобретения новинок моды и соблюдения норм выбранной им социальной группы. Поэтому можно сказать, что в студенческой среде преобладает единая основная цель – «успех», включающий «общественное признание и хорошие результаты в какой-либо сфере деятельности» [4]. Содержание этой основной цели будет меняться в зависимости от конкретного характера функциональной роли. Но каково бы, ни было это содержание, оно включает в себя одновременно и эгоистические, и бескорыстные элементы. «Бескорыстный элемент» состоит, прежде всего, из двух компонентов: из бескорыстного стремления «хорошо учиться» в соответствии с требованиями, выдвигаемыми высшим учебным заведением, и бескорыстного принятия моральных стандартов, которые управляют этой деятельностью. Кроме того, «бескорыстный элемент» состоит из бескорыстного стремления быть членом определенной социальной группы в соответствии с требованиями, выдвигаемыми членами этой группы, и бескорыстным принятием моральных стандартов этой социальной группы. В эгоистическом элементе в большинстве случаев преобладает заинтересованность в признании, в высоком положении внутри группы, с которой идентифицировал себя студент. Это выполняется прямо и косвенно символами статуса, среди которых видное место занимают новинки моды.

Тенденция модного процесса к постоянному движению и инновациям многократно усиливается в условиях глобализации мирового сообщества, инициирующей развитие массовой коммуникации и информационных потоков. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что как социальное явление мода, по-видимому, не только не исчезнет в ближайшем будущем, но с течением времени в условиях существования «общества потребления» будет приобретать все более сильное влияние на молодое поколение.

---

1. Дорфман, Л.Я. Стиль человека: психологический анализ / Л.Я. Дорфман, В.Н. Дружинин, К. Коростелина. – М., 2008.-237 с.

2. Дубин, С. Апология модности / С. Дубин; Новое литературное обозрение. – Москва, 2008. – № 33.

3. Дунаева, Е.А. Социология молодежи / Е.А. Дунаева. – М., 2007.-465 с.

4. Данкова, Ж.Ю. Особенности современной молодежной культуры / Ж.Ю. Данкова

// <http://www.ostu.ru/conf/soc2004/trend4/dancova.htm>

ОНЛАЙН-ПАНЕЛЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Онлайн-панель в социологических исследованиях – это постоянно формирующееся и обновляющееся сообщество людей, давших согласие на регулярное участие в онлайн-исследованиях, проводимых компанией-владельцем панели [1].

Онлайн панели бывают двух основных видов:

- потребительские панели – панели, где респонденты являются потребителями тех или иных продуктов – могут быть как общими, так и специализированными;
- бизнес-панели – панели, респонденты которых принимают решения о закупках товаров или услуг для своей организации – обычно разделяются по отраслям и степени влияния их участников на принятие решений о закупках [1].

Основные показатели онлайн-панели:

1. уровень откликов – доля участников панели, переходящих по ссылке, полученной в приглашении к участию в опросе. Характеризует активность и жизнеспособность панели;
2. уровень заполняемости анкет – доля участников панели, заполняющих анкету до конца при прохождении опроса; уровень заполняемости зависит от мотивации респондентов и существенно влияет на качество собираемых данных.

Привлечение респондентов в онлайн-панель осуществляется либо через Интернет-порталы, либо с помощью методики телефонного рекрутинга. При этом целесообразнее задействовать несколько источников, чтобы у каждого Интернет-пользователя были примерно равные шансы присоединиться к панели. Работа с онлайн-панелями строится следующим образом: при регистрации на специальном Интернет-портале участники панели заполняют свой профиль – подробные социально-демографические и потребительские данные. Профиль необходим для классификации респондентов по демографическим сегментам. Исследователь определяет желаемые сегменты для конкретного онлайн-исследования и рассылает по электронной почте приглашения на участие в опросе тем респондентам, которые в них вошли. Приглашения содержат информацию о проводимом онлайн-опросе, инструкцию по заполнению анкеты и ссылку-адрес, где расположен опросник.

Проведение маркетинговых и социологических исследований с помощью онлайн-панелей имеет по сравнению с оффлайн-методами ряд преимуществ. Рассмотрим наиболее важные преимущества и недостатки исследований методом онлайн-панелей.

К основным преимуществам проведения социологических исследований методом онлайн-панели относятся:

1. экономия средств (стоимость проведения опроса при онлайн-методе сокращается на 25-50%);
2. высокая скорость реализации (около 70% приглашенных к опросу респондентов отвечают в первые два-три дня);
3. интерактивное отслеживание результатов (возможность контролировать процесс сбора информации и получать ответы на некоторые вопросы еще до завершения этапа сбора информации);
4. высокая достижимость целевой аудитории (возможность изучать потребителей определенных продуктов и услуг, в том числе эксклюзивных, не всегда доступных для оффлайн-опроса);
5. повышение уровня откликов (материальная заинтересованность и возможность проявления социальной активности стимулируют респондентов к активному участию в онлайн-исследованиях);

6. отсутствие «эффекта интервьюера»;
7. отсутствие «эффекта ввода данных»;
8. расширенные медиа-возможности;
9. возможность привлекать к исследованиям все новых и новых пользователей;
10. высокое качество данных (применение методов контроля качества данных, повышающих надежность результатов);

11. анонимность опроса (при онлайн-опросах используется метод самозаполнения, поэтому респонденты склонны давать честные, а не социально-ожидаемые ответы) [2].

Основной недостаток исследований с использованием сбора данных через онлайн-панели – невозможность описать генеральную совокупность в силу ее территориальной незакрепленности, анонимности, и, следовательно, невозможность строить выборочные совокупности. Результат – проблематичность разговора о репрезентативности исследований с использованием сбора данных через онлайн-панели.

Таким образом, мы рассмотрели основные типы и характеристики онлайн-панели, методику сбора данных через онлайн-панели, а также основные преимущества и недостатки использования метода онлайн-панелей в социологических и маркетинговых исследованиях.

---

1. Онлайн-панели // OMI: Online Market Intelligence [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.omirussia.ru/ru/online_panels/. – Дата доступа: 25.05.2013.

2. Преимущества онлайн-опросов // VOX: Служба опросов интернет-аудитории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.voxru.net/preimushestvo.html/>. – Дата доступа: 25.05.2013.

О. Тарасовец

Белорусский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О РИСКЕ

В научной среде нет достаточно точного определения понятия «риск», но можно выделить общие для большинства определений риска условия: наличие неопределенности; необходимость выбора альтернативы; возможность при этом оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив. Изучение социальных представлений о риске оказывается весьма важным с точки зрения исследования проблемы субъективного отношения к риску и как человек воспринимает риск. Источниками порождения социальных представлений являются научное знание и убеждения. Социальные представления включают в себя информацию, убеждения, мнения, образы, установки в отношении объекта представления. Они принадлежат личности и несут в себе личностную специфику, а также обусловлены социальным контекстом.

Эмпирическую базу исследования составили 52 студента в возрасте от 17 до 24 лет. Для сбора данных использовалась авторская анкета. Были получены следующие результаты.

В сознании респондентов представлены в большей степени образы, связанные с переживанием риска; оценкой последствий; достижением результата; надеждой на лучшее; добровольным переживанием острых ощущений; риски, связанные с материальными приобретениями; неопределенностью и неуверенностью; с высотой; скоростью; развитием; переменами и продвижением.

При определении того, что чувствуют люди, когда рискуют, отмечают преимущественно такие состояния как «страх» (упоминают чаще всего), «адреналин», «волнение». В представлениях о мотивации риска в обществе мотивы «жизнь» (76,9%), «любовь» (76,9%), «безысходность» (71,2%) преобладают среди остальных. Что касается представлений о рискованном поведении, то здесь доминирует следующий прототип

рискованного поведения: прыжки с парашютом, экстремальные виды спорта. А меньше всего в сознании респондентов представлено рискованное поведение, связанное со здоровьем: употребление алкоголя и курение.

Отношение к риску и к человеку, способному на рискованное поведение, по большей части положительное. Позитивно оценивают риск 73,1%, негативно – 11,5%, нейтрально – 13,5% респондентов. Личность рискованного человека позитивно оценивают 65,4% опрошенных, нейтрально относятся к личности 23,1% и 9,6% – негативно.

По результатам исследования складывается следующий «портрет» личности рискованного человека: с одной стороны, он негативный, характеризующий человека как безрассудного, не думающего о последствиях, с другой стороны – позитивный, характеризующий человека как целеустремлённого, сильного, с твёрдым характером. Кроме того, образ личности рискованного человека отождествляется с теми людьми, которые связывают свою работу с риском: сотрудники МЧС, лётчики, врачи-хирурги, бизнесмены, политики, психологи.

Своим действиям респонденты в ситуации риска приписывают благородные цели, такие как спасение жизни, а другим людям больше цели ради удовольствия и необходимости.

Большинство респондентов (67,3 %) отметили, что у них был опыт принятия рискованных решений, они отмечают, что мотивом риска является «жизнь» (81,1%). Из этого следует, что опыт принятия рискованных решений способствует оценке жизни как того, ради чего стоит рисковать; возможно, и то, что жизнь у них связана с риском.

Таким образом, можно заметить, что как в научных представлениях, так и в обществе и сознании человека существует представление о риске как об опасности, угрозе, связанной с вредом, несчастьем и ущербом, непредвиденными потерями. Риск рассматривается как мера ожидаемой неудачи в деятельности.

Также в психологии выделяются такие виды риска как добровольный риск – это риск, на который идет человек сознательно, зная какой вред (ущерб) причиняет себе; немотивированный (с целью получения «острых» ощущений); неоправданный риск характеризуется стремлением насладиться переживанием опасности, желанием удовлетворить самолюбие и т. п. [1; 2]. Такие научные представления соответствуют и представлениям студентов.

Представления о риске важны для прогноза поведения человека и принятия решения в рискованных ситуациях. Они могут как негативно сказываться на профессиональной деятельности, так и способствовать успеху, например, в предпринимательской и творческой деятельности.

---

1. Котик, М.А. Психология и безопасность / М.А. Котик. – Таллин: Валгус, 1987. – 439 с.

2. Кондрацкий, А.А. Диагностика отношения оператора к риску: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / А.А. Кондрацкий. – М., 1988. – 24 с.

М. Феденя

Белорусский государственный университет

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ТЕЛА М. МЕРЛО-ПОНТИ КАК ПРОЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПАРАДОКСОВ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Взаимоотношения с Другим, проблема демаркации собственного опыта от опыта Другого: равнозначного, близкого, протекающего здесь и сейчас, но, тем не менее, иного и чуждого; сам образ Другого покрыты пеленой неясности и противоречий. В конечном счете, определяя место и статус Другого в структуре личности, внимание неизменно акцентируется на процессе восприятия.

Преодоление парадоксов интерсубъективности, дедуцирование статуса Другого осуществляется Мерло-Понти в рамках сконструированной им феноменологии тела, которая, по существу, была направлена на снятие возможных издержек рефлексивной философии. Объективирующая рефлексия разрушает изначальную неразделенность души и тела, что оканчивается психофизическим дуализмом [2; 170-202], а это означает, что восприятие анализируется уже по факту своего свершения, как дискретная психическая функция, в то время как оно запечатлевает реальность до всякой рефлексии и осмысления.

Тело в транскрипции Мерло-Понти более не вещь в мире, не объект, но первичное отношение к миру, обуславливающее все последующие высшие психические и ментальные функции. Отсюда любая сознательная рефлексия признается как неспособная установить и «схватить» мир в его первоначальной данности, она – лишь осмысление уже данного мира, в то время как окружающая действительность фиксируется восприятием благодаря телу. Следовательно, для определения статуса любого явления, особенно такого неоднозначного, как соизмеримый с Я и обладающий теми же функциями Другой, необходимо «возвратиться к истокам», определив, как формируется феноменологическое поле телесности.

Однако собственное тело деперсонализировано и не является чистым субъектом. Это связано с тем, что собственное тело может как постигать окружающую действительность, так и фиксировать самое себя во взаимодействии с этой действительностью; комплексные механизмы телесного восприятия, в конечном счете, есть причина самосознания субъекта и обращения к себе. Ко всему прочему, в исходном первичном акте восприятия, не обремененного рефлексией, отсутствует сознание собственного тела, как принадлежащего Я. Следовательно, корректнее заключать не «я вижу», а «во мне видит», собственное тело не принадлежит сознанию, т.к. оно не способно ограничить его способность восприятия или воздействовать на первичный акт взаимодействия с миром. Такой ход размышлений наталкивает Мерло-Понти на мысль об «анонимном субъекте», средства восприятия которого, ему, в сущности, не принадлежат. [1; 456-517]

Интерсубъективные отношения более не являются конфликтным столкновением, потому что Я выходит в первичном акте перцепции из модуса «в-себе» или «для-себя», такого раскола более не существует ни в Я, ни вне его. Другой, точно так же, как и Я – составляет систему взаимодействия с миром, продолжение собственного тела, схваченное в акте восприятия, а жизненный мир – это общий мир, «междумирье».

Тело – это функция, посредством которой мы заставляем существовать для нас и принимаем на себя пространство и описание тела, как места этого усвоения. Тело наделяется экзистенциальным потенциалом, благодаря чему преодолевается противопоставление сущности и существования.

Придание особого статуса телесного опыта, как опыта уникального, первозданного и исходного, открывает новые горизонты интерпретации проблем интерсубъективности. Другой – часть собственного тела, продолжение мира, который схватывается моментально. Не существует противопоставления Я и Другого, Другой запечатлевается в восприятии, одновременно запечатлевая Я, и такое взаимодействие формирует единое феноменологическое пространство, которое, в последствии, уже осмысливается сознанием и наделяется субъективными смыслами.

---

1. Мерло-Понти, М. Cogito / М. Мерло-Понти // Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти.

Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина – СПб.: Ювента: Наука, 1999. – ч.1. – 608с.

2. Соколова, Ю.Л. Феноменологическая концепция М. Мерло-Понти / Ю.Л. Соколова // История философии, культура и мировоззрение. – 2000ю №3. – 270с.

ФЕНОМЕН СТРАХА В ФИЛОСОФИИ М. ХАЙДЕГГЕРА

Страх, как столь значительное и фундаментальное понятие современной философии и психологии, имеет долгую историю развития. Изначально оно было выработано для определения отрицательно окрашенной эмоциональной реакции. В классической философии страх – это одна из тех «страстей души», которая выбивает наш рассудок из положенной ему колеи и должна быть побеждена разумом.

Постклассический вариант философствования устраивает настоящий переворот в понимании страха, начатый датским мыслителем Сёренем Кьеркегором. Последний разграничил страх-боязнь и страх-ужас (тревогу/тоску); противопоставив предметному страху, страху чего-либо, страх ничто, с которым человек не имеет ничего общего и которому не может противостоять. Такое представление было вызвано интерпретацией динамики человеческой экзистенции в теологическом контексте. Амбивалентность страха лежит в его антипатической симпатии и симпатической антипатии.

Мартин Хайдеггер продолжает такую постановку вопроса, разделяя эти понятия в феноменологическом контексте. Основной характеристикой ужаса является трансцендирование – выталкивание человека от сущего к Ничто, направляющее его на постижение бытия. Без выдвинутости и без героического заглядывания в Ничто в состоянии тревоги нет возможности вопрошать сверх сущего, за его пределы, нет возможности повернуться лицом к бытию. Ужасание ужаса есть бытие-в-мире – изначальный модус экзистирования, и обнаженность бытия в присутствии к самости существования, в свою очередь, дающая свободу выбора и даже свободу свободы.

Согласно Хайдеггеру, имеются два фундаментальных модуса существования в мире: первый – состояние забвения бытия, а второй – состояние сознания бытия. В первом существует такая озабоченность настоящим, которая превращает человеческую жизнь в боязливые хлопоты, в рутинность повседневности, безлично-вещное существование – пребывание в так называемом *das man* – мире, который отчуждает индивидуальную свободу каждого человека, посредством навязывания стремления удержаться в наличном. Существовая в таком неаутентичном мире, человеку ничего не остается, как спастись бегством от предстоящего. Подобная потеря способности включать в рассмотрение свое будущее обуславливает и потерю ориентации в настоящем.

Осознавая бытие, человек сосредоточен не на свойствах вещей, а на том, что они есть, что они обладают бытием. Жить во втором модусе – значит постоянно осознавать свое бытие и ответственность за него. Условием, настраивающим человеческое существование на непрерывную соотнесенность с бытием и дающим нам возможность «жить аутентичной жизнью», здесь выступает смерть – аспект бытия, изначально указывающий на предстоящую конечность, открывающий человеку перспективу последней возможности экзистенции.

В проекции *das man* сознание человека не в состоянии отнести смерть как временность к самому себе. Из-за двусмысленности, растворенности в совместном бытии смерть будет представлять как смерть других, отстранение от смерти. Это приводит к размытости сознания, к невозможности обнаружить и достичь своей собственной сущности (самости). Данная идея иллюстрирована в фильме «Пустоши» режиссёра Терренса Малика, который положил в сюжетную основу хайдеггерианские концепции, в

частности, *das man* – персонажи тут лишь инструменты для слов, которые и являются для них реальностью.

Ужас смерти в аутентичном модусе является настолько сильным, что, человек всю жизнь, на протяжении всей истории, пытается обессмертить себя: продолжая себя в потомстве или реализуя себя в творчестве и религии. Тут стоит отвлечься от онтологического разыскания Хайдеггера и указать на исследования Рудольфа Отто, где он обнаруживает иррациональное чувство ужасания в хронотопе религиозно-священного опыта. Священное – *majestas* (святость) и *mysterium tremendum* (священная тайна) страшит и одновременно завораживает человека, раскрывается во всем совершенстве и полноте бытия. Трепет перед неизведанным открывает для нас аспекты трансцендентных, высших, абсолютных сил.

Таким образом, опираясь на все вышеуказанное, значение феномена страха и сопряженного с ним феномена смерти для человека и культуры в целом первостепенно и константно – ведь без условий сохранения самости и мышления не может идти речи о каком-то нормальном существовании в мире. Простая и емкая формулировка страха соответственно контексту хайдеггеровского рассуждения может звучать следующим образом: страх – это экзистенциал, «вытряхивающий» человека в сферу мыслительно-творческих процессов.

А. Щуцкая

Белорусский государственный университет

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ РЕКЛАМЫ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Группа экспертов по языкам, которым угрожает опасность, разработала концепцию документа, который называется «Языковая жизнеспособность и нахождение языка в опасности». Для оценки эксперты использовали девять критериев. Белорусскому языку в нашей стране эксперты ЮНЕСКО поставили оценку «пасный». Это высокий балл, для тех языков, которые находятся в опасности.

В своем исследовании я использовала метод семантического дифференциала для изучения восприятия студентами рекламы белорусского языка. Данную рекламу можно отнести к социальной, так как она затрагивает проблему исчезновения белорусского языка.

Мною были проанализированы пять серий плакатов, из каждой серии был выбран для демонстрации студентам один, наиболее характерный плакат: «Родные слова – мова Еўропы» (плакат «Гандаль», <http://kyky.org/mag/media/reklamui-mianie-pa-bielarusku>), «Пераходзь на беларускую мову» (<http://knihi.by/roznaje/zi-si-pisi-s-bukvoj-y-pastouka>), «Маё першае слова» (плакат «Поспех», <http://new.arche.by/by/page/blog/12764>), «Белорусский» (http://socreklama.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=5808), «Смак беларускай мовы» (плакат «Ажыны» http://www.gazetaby.com/cont/art.php?sn_nid=38574).

Исследование носило экспериментальный характер и предполагало проверку гипотез о том, что восприятие зависит от пола и профиля образования. В эксперименте участвовали студенты географического (ГФ), исторического (ИФ) и механико-математического (ММФ) факультетов. Рекламные плакаты оценивали 30 студентов, которые объединялись в две группы по полу (по 15 человек) и три группы по профилю образования (по 10 человек). Использовался классический опросник Ч. Осгуда, позволяющий получить три интегрированные оценочные шкалы: «оценка», «сила» и «активность» [1].

По шкале «оценка» студенты оценили плакат «Поспех» выше, чем студентки, а плакат «Ажыны» девушки оценили выше, чем парни.

Как самый «сильный» плакат студенты оценили «Поспех», а студентки – «Белорусский». Самыми «слабыми» у тех и других оказались плакаты «Гандаль» и «Ажыны».

Плакат «Белорусский» парни воспринимают как «активный», девушки – как пассивный. Но среди остальных плакатов этот плакат девушки воспринимают как наименее «пассивный». Следует отметить девушки восприняли все плакаты как «пассивные», а парни оценили плакаты «Пераходзь на беларускую мову», и «Белорусский» как «активные».

В целом студенты лучше всего восприняли плакат «Поспех», а студентки – «Белорусский». Хуже всего как те, так и другие восприняли плакат под названием «Ажыны».

Таким образом, пол респондента хоть и незначительно, но влияет на восприятие социальной рекламы.

У студентов ГФ и ММФ по шкале «оценка» на первом месте находится плакат под «Пераходзь на беларускую мову», в то время как у студентов ИФ этот же плакат находится на последнем месте с отрицательной оценкой. Самую высокую оценку у историков получил плакат «Белорусский».

Как самый «сильный» студенты ГФ восприняли плакат «Поспех». Студенты ММФ не только высоко оценили плакат «Пераходзь на беларускую мову», но и восприняли его как самый «сильный»; у студентов ИФ этот же плакат на оказался самым «слабым». У студентов ИФ самым «сильным» оказался плакат под название «Белорусский».

Студенты ГФ большинство плакатов восприняли как «активные»; самый «активный» из них – плакат «Пераходзь на беларускую мову». Этот же плакат студенты ММФ и ИФ восприняли как «пассивный». Математики восприняли все представленные плакаты как «пассивные»; наименее пассивный среди них – это «Белорусский». Историки восприняли этот плакат как «активный»; все остальные – как «пассивные».

В целом плакат «Пераходзь на беларускую мову», студенты ГФ и ММФ восприняли лучше всего. Студентам ИФ больше всего понравился плакат «Белорусский»; плакат-победитель двух других факультетов «Пераходзь на беларускую мову» занял у них последнее место. Хуже всего студенты ГФ восприняли плакат «Поспех», ММФ – «Гандаль».

Таким образом, студенты, обучающиеся, на факультетах разных профилей воспринимают одну и ту же рекламу по-разному. В целом оценки студентов гуманитарного профиля отличаются от оценок студентов естественных факультетов. Оценки студентов естественных факультетов схожи.

В дальнейшем можно изучить, есть ли связь между языком, который используется в рекламе белорусского языка, и восприятием этой рекламы.

---

1. *Miller, Delbert C. Handbook of Research Design and Social Measurement. Fifth Edition / Delbert C. – Miller SAGE Publications: Newbury Park, London, New Delhi, 1991. – 183-184p.*

СОЦИОЛОГИЯ СТРАДАНИЙ КАК ОТРАСЛЬ СОЦИОЛОГИИ

В настоящее время социологическая наука настолько продвинулась вперед, что существует немалое количество отраслей социологии. Некоторые из них, конечно, не настолько развиты, как хотелось бы, но XXI век – век информационный, сейчас многое развивается с неимоверной скоростью, появляются новые направления узкоспециализированных исследований в социологии. И одной из таких отраслей является социология страданий.

Страдания всегда являлись одной из центральных тем в мировой философии и таких религиях, как буддизм, христианство, ислам, индуизм, даосизм, зороастризм, которые предлагают ответ на вопрос о причинах страдания и ищут способы спасения от него. И с каждой эпохой привносилось что-то новое при взаимодействии со страданиями, разрабатывались методики защиты от них. Но стоит отметить, что все они оказывались временными, и на смену старым приходили все более новые и новые. И в современном мире эта проблема является все еще острой.

«Страдание» относится к числу тех понятий, реальный жизненный смысл которых, как нам кажется, ясен даже обыденному сознанию. Страдание можно трактовать по-разному. С психологической точки зрения, страдание – особое переживание, связанное с ощущением неудовольствия. В социальном аспекте страдание представляет собой результат отчуждения, непризнанности другим. Страдание – мучительные переживания физической или душевной боли, тревоги, неуверенности и беспокойства, тоски, смятения или угнетенного состояния духа, присущие человеческому бытию.

Одним из тех, кто первым занимался именно социологией страданий является известный немецкий социолог Франц Карл Мюллер-Лиер (1857-1916). С 1908 г. начал публиковать многотомную работу «Ступени развития человечества. Система социологии в обзорах и монографиях». За два года до смерти он опубликовал первую общую часть работы, которая была названа «Социология страданий» и относится, по мнению автора, к социологии «прикладной». Автор считает, что страдания – центральная проблема практической жизни человеческого общества. В данной книге он рассматривает только общую часть всей проблемы социологии страданий. Но до сегодняшнего времени эта книга является все же основной в этой отрасли. Именно он предложил, на мой взгляд, наиболее полную и точную классификацию страданий, несмотря на то, что она недостаточно часто используется в настоящее время.

Вначале, он делит страдания на два больших класса: К естественным конфликтам, например, можно отнести: болезни, старость, смерть, голод, землетрясение, уродство, пожары –несчастья, которых невозможно предвидеть и которые поэтому неизбежны.

К социальным же конфликтам можно отнести все, вызываемые человеческими учреждениями: например, судебные ошибки, распри, преступления, суеверия, нетерпимость, злоупотребление властью и т.д. [1, с. 44]

Такое разделение имеет, на первый взгляд, то преимущество, что оно как бы сразу делит все конфликты на излечимые и на неизбежные, или неизлечимые. Но в то же время, большая часть естественных конфликтов может быть уничтожена, благодаря человеческим учреждениям. Поэтому, в данном случае Мюллер-Лиер говорит, что если и останутся в дальнейшем естественные конфликты, то все различие между ними и социальными

конфликтами расплывчато и поэтому не может считаться практически приемлемым основанием для деления.

Мюллер-Лиер приходит к следующей систематике, или делению страданий, путем характеристики следующих групп.

Первая группа – болезни. Они, как известно, уже с давних времен подвергались научным исследованиям. Первоначально, минус медицины был в том, что она изучала болезни лишь как индивидуальные биологические состояния. И только в 19 в. медицина совершила замечательный поворот от индивидуальной к социальной, или социологической. От исключительно «индивидуальных средств» (то есть лечения уже наступившей болезни) медицина обратилась к «социальному средству», то есть к профилактике, к предупреждению болезней.

Вторая группа – атипичи, отчасти относящихся еще к медицинской патологии. Атипичи – это люди, уклоняющиеся от нормы, с врожденными и аномальными (атипичными) свойствами.

Следующая группа конфликтов – мильезы. Мильеза – повреждения человека средой, окружающим миром, в то время как атипичность отличается врожденностью и обусловлена особенностями зародышевой плазмы.

Все перечисленные конфликты Мюллер-Лиер объединяет в класс онтономических конфликтов. Также выделяются генеомические конфликты, к которым относятся сексуальные и семейные конфликты.

Конфликты, рассматривающие страдания и бедствия человека как социального существа – демономические конфликты.

На страдания влияют как внутренние, так и внешние причины – в первую очередь, влияет наследственность. Бывают врожденные преступники, как бывают врожденные психопаты. Внешние причины лежат в окружающем мире, в среде: это дурные примеры, которые «дети улицы» с самых ранних лет имеют перед глазами в больших городах; это дурное воспитание, безработица, алкоголизм и др. Но именно внешняя причина, то есть общество и то, что лежит за пределами личности, оказывают наибольшее воздействие на страдания, и именно в обществе лежит узел всех причин. А социальные болезни можно побороть лишь социальными средствами. Мюллер-Лиер пишет о том, что все страдания индивидуума – болезни общества – «болезнь индивидуума в то же время есть болезнь общества – социальная болезнь». И все они закономерны, и соответственно только посредством знания социологических законов и процессов можно достичь конечного результата – уменьшить количество страданий в социуме. Автор говорит о том, что необходимо создать такую новую науку – социологическую патологию, которая охватила бы все человеческое горе и страдание в целом и подошла к нему бы так, как медицина, которая только распознала болезни, но и научилась с ними бороться. Социология страданий – не что иное, как «высшая медицина», которая хочет распространить метод социальной медицины на все человеческие страдания и бедствия. К «социологической патологии» относится само собой только социальная медицина [1, с.38].

Несмотря на то, что страдание более философская категория, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что оно должно активно изучаться современными социологами. На данный момент можно выделить такие публикации молодых российских ученых, как «Феномен страдания и способы его освоения в культуре» Ю.В. Грицкова, «Феномен страдания в культуре современности» А.Г. Вадеева, «Социально-философский анализ вины и страдания человека» Н.П. Егорова и др.

Такая отрасль социологического знания как социология страданий должна развиваться. Необходима разработка каких-то новых методик защиты против страданий, проведение разного рода социологических исследований, касающихся данной проблематики. Ведь не зря же Франц Карл Мюллер-Лиер посвятил данной проблеме годы своей жизни. А ведь это был конец XIX- начало XX века. То есть уже в те годы, когда социология как наука начинала только зарождаться, уже разрабатывалась и социология страданий. По мнению автора, социология страданий относится к социологии «прикладной». И главным его тезисом для подтверждения того, что социология должна изучать страдания был следующий: «Почти все страдания индивидуума – болезни общества». И еще можно привести и тот, что «все страдания закономерны». Поэтому мощное оружие против всех бедствий и страданий, по Мюллер-Лиеру, средство социальное. И только тогда, когда общество будет действовать солидарно, оно сможет справиться со всеми корнями рока, и социуму удастся избавиться от зла, и изменить ужасные данные статистики.

Именно поэтому, тема феномена человеческих страданий, и даже страданий животных, разрабатывается и остается актуальной и по сей день. Нет еще такого метода, которые избавил бы нас от зла, бед, страданий, но не стоит забывать с какой скоростью все меняется в нашем мире, поэтому все возможно. И, может быть, скоро все люди, по крайней мере, те, кто пожелают, будут счастливыми!

---

1. *Мюллер-Лиер Ф.К.* Социология страданий / Пер. с .нем. под ред. И со вступ. ст. П. Берман. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.